

Юрий Ситников

ДЕЛО О ЗАГАДОЧНОМ ВЫСТРЕЛЕ

Юрий
Ситников

Дело о загадочном выстреле

Дело о загадочном выстреле

Кто стрелял в Дашкиного отца, известного журналиста Сергея Филатова? Почему в попытке убийства обвиняют его жену? Зачем кому-то понадобилось проводить обыск в квартире матери журналиста? И наконец, какое отношение ко всему имеют фотографии с изображением драгоценных пасхальных яиц? Глеб, Люська и Димон приступили к расследованию, попутно решая собственные проблемы, которых и дома, и в школе накопилось множество...

12+

ЕАС

ISBN 978-985-7139-10-1

12+

Юрий
Ситников

Дело о загадочном выстреле

Повесть

Минск
«Литера Гранд»
«Книжный Дом»

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44
С41

Серия «Невероятные истории» основана в 2014 году

Ситников, Юрий

С41 Дело о загадочном выстреле : Повесть / Ю. Ситников. – Минск : Литера Гранд ; Книжный Дом, 2016. – 224 с. – (Невероятные истории).

ISBN 978-985-7139-10-1.

ISBN 978-985-17-0982-9.

Кто стрелял в Дашкиного отца, известного журналиста Сергея Филатова? Почему в попытке убийства обвиняют его жену? Зачем кому-то понадобилось проводить обыск в квартире матери журналиста? И наконец, какое отношение ко всему имеют фотографии с изображением драгоценных пасхальных яиц? Глеб, Люська и Димон приступили к расследованию, попутно решая собственные проблемы, которых и дома, и в школе накопилось множество...

12+

УДК 821.161.1(476)-31

ББК 84(2Рос=Рус)-44

*Литературно-художественное издание
для детей среднего и старшего школьного возраста*

Серия «Невероятные истории»

Ситников Юрий Вячеславович

ДЕЛО О ЗАГАДОЧНОМ ВЫСТРЕЛЕ

Повесть

Корректор Ю. И. Вилуха

Директор-издатель С. В. Кузьмин

Подписано в печать 28.08.2015. Формат 84х108 1/32.

Бумага типографская. Печать офсетная. Печ. л. 7,0.

Усл. печ. л. 11,8. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 2230 экз. Заказ 2221.

Общество с ограниченной ответственностью «Литера Гранд».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий № 1/469 от 22.06.2015.

Ул. П. Глебки, 11, 220104, Минск. Тел.: (1037517) 380-25-07.

Издательское частное унитарное предприятие «Книжный Дом».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий № 1/135 от 08.01.2014.

Пр-т Независимости, 109-3, 220114, Минск. Тел.: (1037517) 263-50-58.

Отпечатано в государственном предприятии «Издательство «Белорусский Дом

печати». Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.

Пр-т Независимости, 79, 220013, Минск.

ISBN 978-985-7139-10-1

(Литера Гранд)

ISBN 978-985-17-0982-9

(Книжный Дом)

© Ситников Ю.В., 2015

© Оформление. ООО «Литера Гранд», 2015

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Флешка

Когда Люська в очередной раз споткнулась и схватила меня за руку, я не выдержал.

– Не спи на ходу, грохнешься ведь.

– Не спи на ходу, – передразнила Люська. – Легко говорить, когда самому спать не хочется. А у меня глаза закрываются, еле иду.

– Твои проблемы, никто не заставлял за ноутом до пяти утра сидеть.

– Помолчи. Во-первых, не до пяти, а до без пятнадцати пять...

Я засмеялся.

– А во-вторых, – Люська выхватила у меня из рук планшет и кивнула в сторону круглой высотки, – зарулим на пять сек к Дашке.

– Зачем?

– У меня ее флешка, надо отдать.

– Ладно, иди. Только не задерживайся, давай хоть сегодня поедим вместе.

– Глеб, пошли вместе.

– Не, Люсь.

– Глеб, пожалуйста.

– Я у подъезда тебя подожду.

– Брат называется, – Люська вернула мне планшет и открыла сумочку, чтобы проверить, есть ли там Дашкина флешка: – Я быстро, одна нога здесь, другая там.

– Не засни на ходу, – крикнул я.

Люська поднялась по ступенькам, прошла в подъезд, борясь с сонливостью. Остановившись у лифта, она нажала кнопку вызова и зевнула. Где-то совсем рядом слышались шаги, потом откуда-то сверху раздался голос:

– Кого надо?

Люська снова зевнула.

– Чего зеваешь, кого тебе надо, спрашиваю?

– Это вы мне?

– Тебе!

– А вам какое дело?

– Тогда не стой здесь.

– Вообще-то лифт общий.

Лязгнул замок, дверь резко распахнулась, перед Люськой возникла полная девушка лет двадцати.

– Ты клея нанюхалась? – крикнула она. – Лифт находится правее, ты в квартиру звонишь.

Люська вытаращила глаза, сонливость сползла, уступив место неловкости.

– Ой, извините.

Хмыкнув, девушка хлопнула дверью.

Люська выбежала на улицу.

– Глеб, хочешь прикол?

– Ты уже? Быстро!

– Да нет, я еще не поднималась к Дашке. Слушай, прикинь, я вместо лифта позвонила в квартиру. Заснула на ходу, это ты накаркал.

– Я не понял, к Дашке идешь или нет? Есть хочу уже. Давай быстрее.

Люська потянула меня за руку.

– Пошли вдвоем, а то я опять засну.

– Блин, ну ты как всегда.

– И оторвись от планшета. Сколько можно?

– Столько, сколько нужно.

Выйдя из лифта, мы наткнулись на Дашкиного соседа – восьмидесятилетнего любопытного старика, который постоянно за всеми шпионил. Сегодня Анатолий Яковлевич стоял возле двери Филатовых, держа в руке мусорное ведро. Услышав, что лифт открылся на его этаже, дед быстро отскочил от соседской двери, выронив ведро.

– Добрый день, – прыснула Люська.

– И вам, – смутившись, ответил Анатолий Яковлевич.

– Как обстановка, все спокойно? – смеясь, спросила Люська.

– О чем это ты?

– Да так, о птичках.

Сощутив глаза, Анатолий Яковлевич открыл свою дверь и прошел в квартиру. Через секунду белая точка глазка сделалась черной.

– Видел? – шепотом спросила Люська. – Не старик, а ФСБ.

– Звони, – сказала я, глядя в экран планшета.

Дверь открыл Дашкин отец.

– Дядя Сереж, здрасти. Даша дома?

– Привет. Нет, отошла куда-то. Скоро должна прийти, можете подождать.

– Мы на минутку, – Люська достала флешку. – Дашке передайте.

– Передам.

За спиной Сергея Михайловича появилась высокая женщина с черной папкой в руках.

– Сергей, значит, договорились, я позвоню.

– Конечно, Ален, буду ждать.

Не глядя на нас с Люськой, Алена вышла из квартиры и вызвала лифт.

– Вы спускаетесь? – спросила она.

– Да, подождите. Пока, дядя Сереж.

В лифте Алена открыла папку, начала читать и хмурить брови.

– А вы знакомая Сергея Михайловича? – спросила Люська.

Я дернул ее за руку.

Алена удивленно посмотрела на Люську.

– Вместе работаем, – ответила она машинально.

– Вы тоже журналист?

– Да.

– Здорово.

Когда мы вышли из лифта и Алена быстро спустилась по лестнице, я спросил:

– Обязательно было лезть не в свое дело?

– А что я сделала не так?

– Зачем спросила, кто она такая?

– Подумаешь. Чего ты на меня наезжаешь? Сейчас обижусь и перестану готовить, посмотрим, как тогда запоешь.

Я хотел ответить, но вовремя одумался. Нет, ссориться сейчас с Люськой никак нельзя. Диана опять укатила на гастроли, мы остались в квартире одни, на Люське готовка. И если она взбрыкнет и перестанет варить, печь и жарить, мне будет хана. На одной яичнице, пельменях и бутерах я долго не протяну.

...Вечером Люська ворвалась ко мне в комнату.

– Глеб, я Дашке не ту флешку отдала.

– И?

– Звоню ей, трубку не поднимают. Мобильный недоступен.

– Сходи сама.

– Влом идти. А флешка мне позарез нужна.

– На что намекаешь?

– Глеб, будь другом...

– Не проси.

– А я завтра тортик испеку.

– Нет.

Люська прижала к уху телефон.

– Ну давай же, Дашка, подойди. Куда они все подевались?!

За флешкой Люська так и не пошла, лень ей было потратить пять минут на дорогу, она предпочла на протяжении всего вечера терзать домашний и мобильный номера Дашки.

Утром Даша сняла трубку почти сразу.

– Даш, привет. Слушай, тебе отец флешку передал?

– Нет.

– Как нет? Я вчера ее принесла, отдала Сергею Михайловичу, он сказал, что передаст.

– Папа мне ничего не передавал, – голос Дашки казался безжизненным.

– Ты в порядке? – спросила Люська, заподозрив неладное.

– Нет.

– Даш, что случилось?

Молчание.

– Дашка, говори.

Всхлипнув, Даша выдохнула:

– В папу стреляли.

У Люськи отвисла челюсть.

– Ты шутишь?

– Какие шутки? Вчера его пытались убить, он жив, но впал в кому. Сейчас в реанимации.

Мама там... или в полиции... я не знаю, где она... ничего не знаю, Люська.

– Я сейчас приду.

Отсоединившись, Люська побежала на кухню.

– Глеб, я Дашке дозвонилась. Там полный капец!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Выстрел

Даша открыла дверь, глаза у нее были заплаканными.

– Дашка! – выкрикнула Люська.

– Только не кричи, у меня голова болит.

– Что случилось с Сергеем Михайловичем? – спросил я.

– В него стреляли, – повторила Дашка.

– Кто?

– Откуда же я знаю?

– Даш, давай сядем.

– Пойдемте в мою комнату.

– Где это произошло? – поинтересовался я, едва мы сели на диван.

– Дома.

– Ты не поняла, я имел в виду, где стреляли в твоего отца?

– Я тебе ответила – дома.

– Что?!

– Да, Глеб, в папу стреляли здесь. В этой самой квартире, в большой комнате.

– Получается, к вам ворвались... – начала Люська, но Даша ее перебила.

– Никто не врывался. В том-то и дело.

– Ничего не понимаю. Глеб, а ты?

Я смотрел на понурую Дашку. По правде говоря, верилось в ее слова слабо. Не то чтобы я подозревал ее во лжи, но мне казалось, после всего случившегося Дашка немного путается и забывается. А что, такое вполне возможно на фоне сильного стресса.

– Даш, – не выдержала Люська, – расскажи уже, как все случилось.

– Я не знаю.

– Рассказывай что знаешь.

– Не наседайте, – Дашка расплакалась. – Почему вы меня спрашиваете о том, о чем я даже не догадываюсь? Вечером мы с Максимом ходили в кино, а когда я вернулась домой... здесь было много людей... полиция... Мама билась в истерике, кричала, что в папу стреляли. Его самого уже увезли на скорой. А люди все ходили по квартире, спрашивали, что-то записывали, высматривали, искали, – Даша закрыла лицо ладонями. – Потом приехала Кристина.

– Кто это?

– Мамина сестра. Она увезла меня к себе. Но утром я вернулась, не могла находиться в чужом доме.

– Даш, но если в квартиру никто не врывался, то как...

В прихожей послышался шум.

– Мама приехала, – Дашка вскочила с дивана и выбежала из комнаты.

– Зря, наверное, мы пришли, – шепнул я Люське. – Ей сейчас не до общения.

– Ничего не зря. Наоборот, Дашку и Татьяну Андреевну надо поддержать. Ты ж видел, на Дашке лица нет.

Поздоровавшись с нами, Татьяна Андреевна прошла в ванную. А чуть позже, на кухне, когда Люська спросила о самочувствии Сергея Михайловича, тихо ответила:

– Состояние оценивается как тяжелое. Меня к нему не пустили.

– Ты была только в больнице, мам?

– Нет, потом ездила к следователю.

– Зачем?

Татьяна Андреевна села на стул.

– Опять вопросы, опять подозрения, – она умолкла.

– Какие подозрения? – не удержавшись, спросил я.

– В Сергея стреляли из его собственного пистолета.

– А куда стреляли?

– Вероятно, целились в сердце, но не попали. Пуля прошла чуть правее. Кроме нас, в квартире

никого не было, – Татьяна Андреевна посмотрела на Дашу. – Вывод напрашивается сам собой.

– О чем ты, мама?

– Они подозревают меня. Я сразу поняла это по тону, по вопросам следователя.

– Они не имеют права! – Даша топнула ногой.

– А больше вроде как и некому было стрелять в Сергея.

– Татьяна Андреевна, – я старался подбирать слова, хотя давалось мне это с трудом. – А вы исключаете версию о самоубийстве?

– Глеб! – удивилась Даша.

– Но ведь это версия, согласитесь.

– Нет, самоубийство исключили почти сразу. В Сергея стреляли на расстоянии.

– Пистолет унесли?

– Оставили.

– А отпечатки пальцев?

– Отпечатки отсутствуют.

Татьяна Андреевна долго молчала, сидела ровно, словно аршин проглотила, о чем-то думала и вдруг, всхлипнув, посмотрела на меня. А потом она начала говорить. Я понял, ей хотелось выговориться, не держать все в себе, а выплеснуть это наружу. Мы с Люськой оказались хорошими слушателями, и Татьяна Андреевна, изредка прерываясь на всхлипы или вдохи, поведала о событиях вчерашнего вечера...

...Она вернулась домой как обычно – в семь часов. Довольный Сергей Михайлович встретил жену в прихожей.

– Чем у нас так вкусно пахнет? – Татьяна Андреевна кивнула в сторону кухни.

– Сюрприз.

– Только не говори, что ты сам приготовил ужин.

– Можно подумать, я раньше никогда не готовил. Вспомни мои фирменные котлеты.

– Да, – засмеялась Татьяна Андреевна, – обуглившиеся котлеты я буду помнить долго.

– Ладно-ладно, пусть я не шеф-повар, но сегодня ужин не пострадал. Я сделал пиццу!

– Колись, Дашка помогала?

– Ни в коем случае.

– Кстати, она дома?

– В кино ушла.

– Значит, пицца, говоришь?

– Пройди на кухню, сама увидишь.

Сергей Михайлович не соврал, он действительно приготовил пиццу. В раковине высилась гора грязной посуды: тарелки, чашки, ложки, миски, дуршлаг и кастрюля. Стол был перепачкан мукой, плита тестом.

Татьяна Андреевна покачала головой.

– До звания шеф-повара тебе расти и расти.

– Конечно, пришлось для этого использовать всю посуду, но главное ведь результат.

– Дуршлаг тебе зачем понадобился?

– Я в нем грибы мыл. В морозилке нашел пакет с отварными опятами, пустил их в дело.

– Ага, пицца у нас с грибами? – Татьяна Андреевна пошире открыла форточку.

– Ассорти, – усмехнулся Сергей Михайлович. – Чего там только нет: и грибы, и сыр с колбасой, и оливки с помидорами. Короче, объединение!

– А по какому поводу праздник?

– Последний день отпуска, завтра на работу.

Оглядев гору грязной посуды, Татьяна Андреевна пришла к выводу, что у раковины придется простоять не менее полчаса.

После ужина Сергей Михайлович отправился в комнату.

– Хочу досмотреть фильм, завтра Сашке надо диск вернуть, – сказал он и вышел из кухни.

Включив магнитофон, Татьяна Андреевна надела фартук и приступила к домашним обязанностям. Время от времени она слышала выстрелы и недовольные возгласы Сергея Михайловича. Она не одобряла боевики, триллеры, ужасы и прочее кровопролитие, предпочитая смотреть слезливые мелодрамы или комедии. Чтобы заглушить звуки телевизора, Татьяна Андреевна прибавила громкость на магнитофоне. Когда посуда была перемыта, из комнаты послышался очередной выстрел. Правда, на этот раз он прозвучал по-другому.

У Татьяны Андреевны даже создалось впечатление, что стреляют не в кино, а в комнате. Не придав этому значения, она включила чайник и пошла к мужу.

Сергей Михайлович сидел в кресле, рядом на полу лежал пакет чипсов.

– Сереж, ты заснул, что ли? Почему чипсы валяются... – Татьяна Андреевна сделала шаг вперед и завизжала.

Рубашка мужа была в крови.

Татьяна Андреевна замолчала. Мы не решались задавать ей вопросы, просто сидели и молча ждали. И действительно, через пару минут она вновь заговорила:

– Я нагнулась, потрясла его за плечо и увидела пистолет – он лежал на полу перед телевизором. В голове все помутилось, не помню, что я делала. Один сплошной туман. Вроде хотела вызвать скорую, но как звонила – не помню. А потом... потом у меня закружилась голова, в глазах потемнело, я упала в обморок.

– А дверь, Татьяна Андреевна, входная дверь была открыта? Вы не обратили внимания?

– Глеб, конечно же, мама не обратила на это внимания.

– Нет, нет, обратила. Когда приехала полиция, я обнаружила, что дверная цепочка болтается. Вернувшись с работы, я ее закрыла.

– Вот видите, – у Люськи сверкнули глаза. – В квартире находился третий человек.

– Не думаю. Мне кажется, я сама открывала дверь, пока находилась в невменяемом состоянии.

– Зачем вы ее открывали?

– Не помню. Но вроде открывала и даже выходила на лестничную площадку.

Мы с Люськой переглянулись.

– Следов посторонних в квартире не обнаружено, – сказала Татьяна Андреевна. – Версия, что в квартиру незаметно проник преступник, дышит на ладан. Сергей Михайлович целый день находился дома, посторонний человек в принципе не имел возможности оказаться в квартире.

...На улице Люська предложила прогуляться по набережной. Я не возражал.

– Что ты об этом думаешь, Глеб?

– Пока мыслей нет.

– Заметил, что Татьяна Андреевна противоречит сама себе? Она уверена, что стрелявший не мог попасть в квартиру. Но тогда вывод напрашивается сам собой. Если самоубийство отбрасывается, то получается...

– Ничего не получается, – перебил я Люську. – Здесь слишком много неясностей.

– Например?

– Она говорит, что закрывала дверь на цепочку. В действительности этого могло не быть.

В то время, как Татьяна Андреевна мыла посуду, в квартиру проник убийца.

— Глеб, неправдоподобно как-то. Сам посуду, в квартире находятся люди. Неужели ты думаешь, что преступник настолько глуп, чтобы так подставляться? А если бы Татьяна Андреевна не мыла посуду, а сидела с мужем в комнате? И Дашка была бы дома? Да мало ли кто мог быть у них в гостях? Нет, я не верю в это.

— Тогда ты тоже сама себе противоречишь.

— Нет.

— Противоречишь. Преступник войти в квартиру не мог. Вывод один — в Сергея Михайловича стреляла жена.

— Глеб!

— У тебя есть другая версия?

— Да... нет... но ведь... — Люська остановилась, не зная, что сказать.

— Вот именно.

— Блин, я не верю. Татьяна Андреевна слышала выстрел.

— Стрелять могли в кино.

— А тот, другой выстрел, был более четким.

— Его могло не быть в действительности.

— Как?

— При условии, что стреляла она.

— Глеб, ну перестань, Дашкина мать не убийца.

— Но в отца кто-то стрелял.

– Кто угодно, но не Татьяна Андреевна. Подумай, захотела бы она избавиться от мужа, нашла бы десяток других, более безопасных способов. Не знаю, взяла бы и траванула его.

– Иногда преступники совершают необъяснимые поступки, совершенно нелогичные.

– Уже записал ее в убийцы?

– Нет. Ты забыла об одном немаловажном факте.

– Что за факт?

– Пистолет Филатова.

– А что с ним не так?

– В Сергея Михайловича стреляли из собственного оружия. Не кажется ли тебе, что убийца, решив избавиться от Филатова, прихватил бы свой собственный ствол? Странная вырисовывается картина: у преступника цель – убить Сергея Филатова. Для этого он вечером, что уже противоречит логике, проникает в квартиру. Вопрос: он что, шел на убийство без оружия?

– У него мог быть с собой нож.

– Перестань, сама знаешь, что это ерунда.

– Тогда что произошло?

– Преступник же не рассчитывал, что, войдя в квартиру, обнаружит в комнате Филатова, а рядом с ним пистолет.

– Нет, конечно.

– Значит заранее знал, где хранится оружие, и собирался именно с его помощью избавиться от Сергея Михайловича.

– Беспрепятственно прошел в квартиру, беспрепятственно взял пистолет, и при этом никто его не заметил. Глеб, такое под силу только тем... – Люська закусила губу.

– Продолжай.

– Только тем, кто там живет. Татьяне Андреевне и Дашке.

– Во всяком случае, все на это указывает. Или же здесь все настолько хитро подстроено, что сам черт ногу сломит.

– Даже думать не хочу, что Дашка и ее мать причастны к убийству. Все, не будем сейчас об этом говорить. Голова кругом идет. Сергей Михайлович пойдет на поправку, и все встанет на свои места, сам расскажет, кто в него стрелял.

– Согласен, – кивнул я.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новенькая

Вся школа обсуждала попытку убийства Сергея Филатова. Наш класс не был исключением. На большой перемене Витка Комаров сказал:

— Никогда бы не подумал, что Дашкина мать способна на такое. Она кем работает-то?

— Вроде библиотекаря.

— Не, она редактор в издательстве.

— Дашка в школу не ходит.

— Я бы тоже на ее месте здесь не появлялась, — Светка пожала плечами и усмехнулась: — По-хорошему ей бы теперь вообще в другую школу перейти.

— Дашка здесь ни при чем, — возразила Маринка.

— Все равно, — не унимался Комаров, — вряд ли она сможет спокойно ходить в школу. Все будут за спиной шептаться.

— Если ты не будешь никого подначивать, шептаться не будут, — не выдержал я.

– Ты чего, Глеб?

– Противно вас слушать. Вы что, Татьяну Андреевну не знаете?

– Как выяснилось, знаем мы ее не так хорошо, как думали.

– Свет, не надо, – Димон мотнул головой и сел на парту: – Ребят, ну правда, чего вы на тетку накиннулись?

– Эта тетка, между прочим, мужа пристрелила.

– Во-первых, Сергея Михайловича не пристрелили, а ранили, – сказала Сонька Яковлева. – Во-вторых, Татьяну Андреевну никто за руку не ловил. И в-третьих, не надо обвинять человека напрасно.

– Сонька, как всегда, в своем репертуаре.

– Она права, – сказал я. – Какой смысл вообще мусолить эту тему?

– А тебя самого это не интересует? – ехидно спросила Светка.

– Я знаю одно: Сергей Михайлович работал журналистом. И вам это известно. Вспомните, какие статьи он писал, каких людей разоблачал...

– Во-во, – перебил меня Витька. – Писал и разоблачал. А сколько людей благодаря ему отправились за решетку?

– Вить, ты серьезно ничего не понимаешь или придуливаешься? – Соня была поражена.

— Что я должен понять?

— Филатов сам никого не сажал, он разоблачал тех, по ком давно тюрьма плакала.

— Ага, прям такой Робин Гуд местного разлива.

— Комар, не гони, — прикрикнул Димон. — Тебе не хуже моего известно, что Филатов был честным журналистом.

— Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? — тихо спросила Марина.

— Так получилось, — смутился Димон.

— Честных журналистов не бывает, — стоял на своем Комар.

— Ты-то откуда знаешь?

— Оттуда. Я не говорю, что рад случившемуся, мне жаль, что стреляли в Дашкиного отца, но не надо возводить его в статус святого. Филатов иногда кропал заказные статейки. Если вы их не читали, это ваши проблемы.

— Что за статейки? — насторожилась Соня.

— Да врет он, Сонь.

— Не вру.

— Так что за статейки, Вить?

— Помню, как Филатов расхваливал одного типа, пел ему дифирамбы, типа и меценат он и весь такой из себя благородный. А через год этого мецената арестовали за двойное убийство. И потом еще кучу всего нарыли. Он был по уши в дерьме, а Филатов его возносил в своих

статьях. Что, думаете, не понимал, о ком пишет? Все он понимал, просто имел с этих статей неплохой доход.

– Витька, не говори так.

– Это правда, Сонь. Нравится тебе или нет, но это правда.

– Не факт, Комар, – сказала я.

– Глеб, иди ты знаешь куда! Факт или не факт – мне плевать. Я своего мнения не изменю.

– Не смейся, – засмеялась Светка. – Ты свое мнение десять раз за день меняешь.

– Помолчи.

– Ты мне рот не затыкай!

– Тогда сама его заткни!

– Комар, сейчас нарвешься.

– Как страшно.

– И все-таки, – Соня начала нервно заламывать руки, – я не верю, что Сергей Михайлович был...

– Опять был! – вскрикнула Марина. – Вы что, сговорились?

Соня замолчала.

– Короче, – Витька встал со стула и прошелся по классу. – Здесь два варианта. Или его жена грохнула...

– Бред!

– Не веришь, Марин? А вдруг он на нее компромат накопал и она решила от него избавиться?

– Витек, не зарывайся.

– Ладно, шутки в сторону. Но согласитесь, она могла выстрелить.

– Чисто теоретически – могла, – кивнул Димон. Я удивленно посмотрел на него.

– Глебыч, но ведь могла. Теоретически, – добавил он чуть погодя.

– Ну допустим, а второй вариант? Надеюсь, Дашку ты не подозреваешь?

Витька хлопнул в ладоши.

– Второй вариант – месть.

– Месть?

– Именно. Кого он там разоблачал на этот раз, я не в курсе, но Филатова запросто могли убрать как ненужного человека.

– С этим я отчасти могу согласиться, – осторожно ответила Соня.

– Ох ты! Ребят, в кои-то веки Яковлева со мной согласилась.

– Она согласилась с тобой отчасти, – прыснула Светка.

Не обращая внимания на насмешки, Соня проговорила:

– Таким журналистам, как Сергей Михайлович, часто мстят, но не кажется ли вам странным сам способ? Намного проще было бы выстрелить на улице, в подъезде, в конце концов, в лифте. Но стрелять в квартире...

– Возвращаемся к первому варианту, – заключил Витька. – Жена.

– Перестань. Татьяна Андреевна не могла.

– Ты откуда знаешь?

– Знаю и все.

– Яковлева у нас ясновидящая.

В класс вошла Яна.

– Всем привет, – сказала она. – Я ничего интересного не пропустила?

– Если не считать контры по алгебре, то нет.

– Черт! Забыла. Я думала, она завтра.

– Ага, – хмыкнул Витька. – Послезавтра.

– Почему на двух первых уроках не была? – спросила Марина.

– К стоматологу ездила.

– Тухлая отмазка.

– Какая отмазка, Комаров, у меня пломба выпала.

– Да, да.

– Не веришь – твои проблемы, – Яна подошла к моей парте и посмотрела на Димона: – Дим, можно я с Глебом сяду?

Переглянувшись со мной, Димон поднял руки вверх.

– Всегда пожалуйста, – он взял свой рюкзак и осмотрелся: – Сонь, у тебя можно приземлиться?

– Приземляйся, – ответила Яковлева, убрав со свободного стула сумочку.

– Димон, садись лучше со мной, – сказал Витька. – Зачем на первую парту сел?

– Мне отсюда лучше видно.

– Куда смотреть собрался?

– Не твое дело.

– К Соньке поближе он хочет быть, – издевалась Светка. – Я права, Дим?

– Нет.

– Зачем ему Сонька, когда у него Люська есть?

– А чего ж тогда Яковлева покраснела?

Соня резко обернулась. Ее губы были плотно сжаты, в глазах горело возмущение.

– Может, хватит уже? – сказала она Светке.

– Спокойно, спокойно, побереги нервишки.

– Свет, действительно, хватит прикалываться, – попросил Димон.

Светка уткнулась в смартфон.

– Ладно, если просите оба, умолкаю.

Сев рядом со мной, Яна достала из сумочки телефон.

– Новый?

– Угу. Вчера купила. Слушай, не могу в нем разобраться, поможешь?

– А в чем проблема?

Яна придвинулась ближе, начала говорить. Я вдохнул запах ее духов, и на миг мне почудилось, что закружилась голова.

Яна Авдеева перешла в нашу школу после новогодних каникул. Девчонкой она была компанейской, в коллектив влилась сразу, ей удалось найти общий язык даже с Сонькой. Примерно через месяц я стал

ловить на себе ее взгляды. Быстрые, осторожные, как бы исподтишка. А спустя еще месяц понял, что сам постоянно думаю о Янке и таращусь на нее практически на всех уроках. Вне школы мы не общаемся, и если я не с Алиской (а она в последнее время практически безвылазно пропадает в школе актерского мастерства), все мои мысли заняты Яной.

Мне нравится Алиска, здесь даже без вопросов. Никакую другую девчонку рядом с собой я не вижу, но когда появляется Янка, когда она подходит ко мне слишком близко, улыбается и я вдыхаю аромат ее духов, происходит нечто необъяснимое. Я теряю над собой контроль. Вот как сейчас, например. Яна что-то говорит, спрашивает, хмурит брови, а я смотрю то на нее, то на ее новый телефон и ничего не слышу.

Боюсь признаться сам себе, что Янка мне нравится. Нравится так же сильно, как Алиса. А может, и больше.

От этой мысли сделалось не по себе. Я выпрямился. Кашлянул, услышав голос Яны:

– А где сохранился файл, я не поняла.

– Что?

– Глеб, ты меня слушал?

– Да.

– Тогда помоги.

– Ян, давай после уроков разберемся с твоим телефоном.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Ловлю на слове. Слушай, а ты сегодня вечером свободен?

Я начал быстро вспоминать, не договорились ли мы с Алисой встретиться вечером. Сегодня понедельник, у нее занятия в школе актерского мастерства, значит, вечер у меня свободен.

– Ничего не делаю.

– В кино пойдем?

– Можно.

Яна толкнула меня в плечо.

– Так ответил, как будто одолжение мне сделал.

Я улыбнулся. Что-то мне подсказывало, что до добра это все не доведет. Потом посмотрел на Яну, снова улыбнулся, но уже по-другому. Теперь улыбка была искренней, такой же искренней, как и мое желание пойти с Яной вечером в кино.

Об Алисе я старался не думать.

...Домой я пришел в начале одиннадцатого. Не успел снять кроссовки, как в коридоре появилась Люська.

– Где ты был?

– А что?

– Просто интересуюсь.

– Гулял.

– С кем?

– А не много ли ты интересуешься?

– Глеб, я серьезно.

- Что у нас на ужин?
- Творожная запеканка.
- Фу!
- Другого нет.
- А пельмени в морозилке остались?
- Не знаю, я туда не заглядывала.
- Загляни. Если остались, поставь воду.

Помыв руки, я прошел на кухню и замер в дверях. За столом сидели Алиска с Димоном.

- Сюрприз, – засмеялась Алиса.

Я перевел взгляд с нее на Димона. Тот незаметно повел плечом. Димон был в курсе про Яну и кино, поэтому наверняка отмазал меня перед Алиской.

- Глеб, где ты пропадал?

– Говорил же тебе, – быстро сказал Димон. – У Михи он был.

– У Михи, – повторил я, сел на стул и принялся с аппетитом есть ненавистную творожную запеканку.

Люська удивленно подняла брови, но промолчала.

- Я думала, мы с тобой погуляем, в кафе ходим.
- У тебя занятия по понедельникам.
- Я тебе говорила, сегодня занятий не было.
- Да? Не помню.
- Оно и видно.

– Вкусно тебе? – с издевкой спросила Люська, видя, как я уплетаю запеканку.

– Очень, – ответил я с набитым ртом.

– Тогда ты просто заслужил добавки.

– Не надо.

– Не стесняйся, я же вижу, как ты проголодался, – Люська взяла мою тарелку и положила в нее остатки творожной запеканки: – Приятного аппетита. Кстати, как там Миха?

По ее тону я догадался, что она в курсе, где и с кем я пропадал на самом деле. Поймав взгляд Димона, сразу понял – он проболтался Люське. Димон отвел взгляд в сторону. Я посмотрел на сестру. Она скривила губы в ухмылке. Алиске, конечно, Люська не проболтается, они хоть и подруги, но родного брата она не выдаст даже под пытками. Но нервы мне попортит основательно.

В комнате зазвонил телефон.

– Я возьму, – Люська вышла из кухни.

Алиса села рядом, положила руку мне на плечо.

– Давай по набережной пройдемся.

– Можно.

– Дим, пойдете с нами?

– Да. Только домой придется заскочить, Марса взять. Вечерами моя очередь его выгуливать.

Когда вернулась Люська, Димка залпом выпил остывший чай и встал.

– Встречаемся у подъезда через пять минут.

– Дим, сядь, – попросила Люська.

– По набережной хотим пройтись.

– Сядь.

– Люсь, что-то случилось? – Алиса подалась вперед.

– Случилось.

– Кто звонил?

– Дашка. Татьяну Андреевну вечером арестовали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Жмурик

К Дашке пошли мы с Алисой. Заваливаться к ней всем скопом не имело смысла, к тому же мы хотели позвать ее к себе с ночевкой. Вряд ли после всего случившегося она сможет находиться дома одна, тем более ночью. А так хоть будет с кем поговорить.

Дверь нам открыла незнакомая молодая женщина. Дашка стояла у нее за спиной.

– Проходите. Кристин, это Глеб, Алиса.

– Привет, – кивнула Кристина.

– Моя тетя, – нехотя сказала Даша и прошла в свою комнату.

– Слушай, а мы думали, ты к нам ночевать придешь.

– Почему вы все пытаетесь выкурить меня из дома? Сначала Кристина, теперь ты. Я не хочу никуда идти, мне здесь спокойнее.

– И все-таки, Даш, будет лучше, если ты поедешь к нам, – Кристина села в кресло и, посмотрев в мою

сторону, пояснила: – Предлагаю ей пожить некоторое время у нас. Отказывается.

– Да, отказываюсь. Скоро вернется мама. Я буду ждать ее дома. К тому же у меня школа, не забывай.

– Ты все равно сейчас туда не ходишь.

– И что? Сегодня не пошла, завтра, может быть, пойду.

– Неужели они действительно подозревают Татьяну Андреевну? – спросила Алиса.

– Они с ума посходили! – выкрикнула Даша. – Мама не могла стрелять в папу, это абсурд.

– Произошла нелепейшая ошибка, недоразумение, назовите как хотите, – Кристина развела руками. – Но все обязательно разрешится. Таню отпустят.

– Поговори с Антоном Евгеньевичем, пусть что-нибудь сделает. Он же может.

– Даш, я все сделаю.

– Ты ему звонила?

– Пока нет.

– Так позвони. Сейчас позвони. Кристина, пожалуйста.

Когда Кристина вышла, я спросил:

– Кто такой Антон Евгеньевич?

– Ее муж. Очень влиятельный человек. Антон Евгеньевич старше Кристины на двадцать пять лет. Он обязан выгнать маму.

– Слушай, Дашка, ты главное не паникуй. Может, все-таки пойдешь к нам?

– Нет, Глеб, дома мне лучше. И к Кристине не поеду.

– А как Сергей Михайлович, улучшения есть?

– Пока без изменений, из комы не вышел. Врачи оценивают состояние как тяжелое, – Дашка всхлипнула и, чтобы мы с Алисой не видели ее слез, подошла к окну.

Вернулась Кристина.

– Я переговорила с Антоном, он сегодня же свяжется с адвокатом.

– Когда отпустят маму?

– Даш, не будь ребенком, ну откуда же я знаю?

– Пусть Антон Евгеньевич подключит все свои связи.

– Так и будет.

– Кристина Андреевна, – начала Алиса, но та резко ее перебила.

– Какая я тебе Андреевна? Называй меня по имени.

– Кристина у нас молодится, – горько усмехнулась Даша.

– О чем ты хотела меня спросить, Алиса?

– Мы с ребятами все ломаем голову, что же могло произойти на самом деле. И ни до чего не можем додуматься. А вы сами к какой версии склоняетесь?

– У меня версий нет. Точнее...

– Что?.. – насторожилась Даша.

– Поначалу я думала, это связано с работой Сергея. Ты же помнишь, как в прошлом году на него

напали недалеко от редакции. А пару лет назад избили прямо возле подъезда.

– Помню, конечно.

– Сергей пишет статьи, многим они не нравятся. Люди всякие бывают, некоторые шли на крайние меры.

– Это понятно, но на этот раз меры оказались уж очень крутыми.

– В том-то и дело. Стреляли из его пистолета, в его квартире... Нет, это никак не связано с профессиональной деятельностью Сергея. Если бы его решили убрать, выбрали бы другой способ.

– Все так говорят, – сказала Даша, глядя в окно. – И в конечном счете приходят к мысли, что в папу могла стрелять только мама.

– Дашка!

– Никто так не думает.

– И ты так думаешь, Глеб. И Алиса. И ты, Кристина. Я же помню, как ты спросила у мамы позавчера, не произошла ли между ней и отцом ссора. Зачем ты об этом спросила? Ну ответь!

– Я... я просто поинтересовалась.

– Врешь. Вы не верите до конца, что мама невинна.

– А знаете, – сказал вдруг я, – странно, что раньше мне не приходила мысль о подставе.

– То есть?

– Смотрите, пока все кажется нелогичным. Преступник зачем-то проник в квартиру, когда здесь

находилась Татьяна Андреевна, и стрелял в Сергея Михайловича. А что если он того и добивался? Ждал, пока с работы придет твоя мама, и только потом стрелял?

— Не понимаю тебя.

— Подстава, Дашка. Хотели подставить Татьяну Андреевну, сделать из нее козла отпущения.

Даша посмотрела на меня, потом перевела растерянный взгляд на Кристину.

— Ты думаешь... Глеб, а ведь такое вполне могло случиться.

— Кому понадобилось подставлять Таню?

— Кристин, да мало ли кому. Все-таки это версия, и версия довольно порядочная. Надо будет обязательно сказать об этом следователю. А то они уже записали маму в убийцы.

— Тогда надо искать убийцу среди знакомых Татьяны Андреевны, — сказала Алиса.

— Как вы себе это представляете, Алис, Глеб? Что значит подставили Таню? По-вашему, убийца уже находился в квартире, когда она вернулась с работы?

— Как вариант.

— Нелепо. Сергей был дома.

— Недавно мне рассказали историю о том, как один мужик грабил пенсионеров. Прикиньте, он проникал в их квартиры днем, когда они находились дома. Бесшумно открывал дверь, проходил в комнату, прятался, а когда хозяева уходили, начинал искать деньги и ценности.

– Что ему мешало проникнуть в квартиру в отсутствие хозяев?

– Интересный вопрос. Когда его об этом спросили, он ответил, что тогда бы считал свои действия противозаконными. Мол, проник в квартиру, когда там не было хозяев. А так он пребывал в уверенности, что попадает в квартиру вроде как с согласия пенсионеров.

– Сумасшедший какой-то.

– Естественно, мужик шизанутый был. Но тем не менее факт остается фактом. За пару месяцев он грабанул более десятка квартир. Суть в том, что действовал он, как невидимка. Я к тому и говорю, к вам в квартиру запросто мог проникнуть такой же невидимка, мог спрятаться в каком-нибудь укромном месте.

– Ага, здесь прям двадцать комнат и множество потайных мест. Глеб, нет, слишком уж пригнуто за уши.

– А если я прав? И убийца, спрятавшись, ждал прихода Татьяны Андреевны, чтобы в момент убийства твоего отца у нее отсутствовало алиби?

– Так могли поступить не только враги Тани, но и враги Сергея. Что вероятней.

– Я бы проверил и окружение Татьяны Андреевны.

– У мамы нет врагов, никогда не было и вряд ли появятся.

– А тебе известно, кто точил на нее зуб, скажем, на работе?

– В издательстве? Я тебя умоляю, маму все любили.

– Значит, не все. Предлагаю первым делом отправиться в издательство, попытаемся разузнать, что к чему, разведать обстановку.

– Секундочку, Глеб, – Кристина сдвинула брови домиком. – В каком смысле разведать обстановку?

– Кристина, мы ведь никому не навредим, если тоже попытаемся кое-что выяснить. Полиция делает свое дело, а мы можем провести свое мини-расследование.

Даша с надеждой посмотрела на меня.

– Я согласна с Глебом. Хуже точно не будет. Крис, пожалуйста, надо съездить в издательство.

– С нами там вряд ли будут разговаривать, – быстро сказал я. – А с вами, как с родной сестрой Татьяны Андреевны...

– Я поняла. Хорошо, можно съездить.

– Как насчет завтра? Я поеду с вами. После уроков, скажем, в три часа?

– Ладно, Глеб. Встречаемся в три у подъезда.

– Вы на машине?

– Само собой.

Перед самым уходом я вдруг вспомнил об Алене, женщине с черной папкой, которая уходила от Филатова, когда мы с Люськой принесли флешку.

– Даш, ты знакомых отца знала?

– Некоторых.

– А женщина по имени Алена тебе знакома?

– Алена Леонидовна? Конечно, они с папой работают.

– Слушай, а как бы с ней пересечься?

– Зачем тебе?

– Не спрашивай. Лучше скажи, есть ее координаты?

– Надо посмотреть в записной книжке. Телефон точно должен быть.

– Посмотри, Даш, я подожду.

Через пять минут Дашка протянула мне лист с домашним телефоном Алены Петрищевой. Я убрал листок в карман, решив сразу же, как только появится свободное время, встретиться с ней и поговорить по душам.

Зайдя домой, я позвал сестру. В ответ тишина. Решив, что они с Димоном пошли гулять, позвонил Люське. Недоступна. Набрал Димону. Он сказал, что Люська десять минут назад ушла домой. Странно, где ее носит?

Приняв душ, я вышел из ванны и наткнулся на улыбающуюся Люську.

– Приветик.

– Ты чего вся светишься?

– Настроение хорошее.

– С чего вдруг?

– Да так. Глеб, я тебе чай приготовила.

– Угу.

– И бутербродики сделала. С ветчиной и сыром, как ты любишь.

– Тебя кто укусил?

– Никто меня не кусал.

– Чай, бутербродики... Ты мой планшет доконала?

– Нет.

– Ноут сломала?

– Нет.

– Смартфон...

– Блин, да не трогала я твои вещи.

Я сел за стол и задумался. Люська явно что-то замышляет. Не будет она просто так по доброте душевной делать мне бутерброды и лыбиться без причины.

– Ну, я жду, – сказал я, откусив бутерброд с сыром.

– Чего ждешь?

– Не прикидывайся.

– Не понимаю, о чем ты.

– Люсь!

– Ладно-ладно. Глеб, тут такое дело...

– Так и знал.

– Не заводись, ты же еще не в курсе, о чем я хочу поговорить.

– Но мне уже не по себе.

– Глеб, не вредничай. Пей чай.

– Валяй давай, что у тебя?

– Понимаешь... Короче, Глеб, у нас гости.

– Кто?

– Не пугайся, их немного.

Я встал и хотел выйти в коридор, но Люська преградила мне дорогу.

– Подожди.

– Отойди.

– Глеб...

– Дай мне пройти.

– Я уже подходила к подъезду, а он сидит. Такой весь бедный и несчастный.

– Кто он?

– Жалкий, понурый.

– Про кого ты говоришь?

– У него такие грустные глаза. И он плакал. Я видела слезы.

– Не выводите меня.

– Пошли, – Люська потянула меня за руку в свою комнату. – Ты его увидишь и сразу влюбишься. Клянусь! Он милый.

Распахнув дверь, Люська осмотрелась.

– Жмурик, ты где? Жмурик, Жмурик... Поганец, под кровать, что ли, забрался? – она села на корточки и заглянула под кровать: – Точно, здесь. Жмурик, не бойся, иди сюда. Глеб тебя не обидит.

– На фига ты приперла котенка, Люсь?

– Жмурик не котенок.

– Взрослый кот?

– Увидишь, – Люська схватила под кроватью не известного мне Жмурика и потянула.

Раздалось жалобное поскуливание.

— Не ори, дурачок, чего ты испугался?

Через секунду я увидел серого щенка.

— Знакомся, Глеб, это Жмурик.

— Офигеть! Лучше бы это был котенок.

— А чем тебе щенок не угодил? Посмотри, какой душка. Давай его оставим, Глеб, я сама буду с ним заниматься. Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!

— Ты еще заскули, как он.

— Глеб, я прошу. И Жмурик тебя просит.

— Почему Жмурик-то?

— А ты посмотри, как он глазки жмурит. Жмурик и есть.

— Ты подумала, какой это гемор? С ним гулять надо каждый день.

— Я буду гулять.

— В ветлечебницу надо тащить, от блох избавляться, от глистов. Люсь, может, отнесешь своего Жмурика обратно?

— Но он на улице погибнет.

— Другие собаки не гибнут, и он выживет.

— У Жмурика лапка болит.

— Не ври.

— Он прихрамывает. Не веришь? — Люська опустила щенка на пол, а сама отошла к двери. — Жмурик, ко мне.

Виляя хвостиком, серый комочек покосолапил к Люське.

— Видел?

Щенок и правда прихрамывал на переднюю лапу.

— И вообще он породистый. По-моему, лабрадор.

— Дворняга.

— И пусть, зато какая хорошая! — Люська опять взяла Жмурика на руки.

Я смотрел на щенка, щенок смотрел на меня. Люська сопела и шмыгала носом.

— И пахнет от него сильно.

— Помоем.

— Спать он где будет?

— Купим подстилку.

— Но учти, это твой щенок, и если даже на улице начнется землетрясение, ты встанешь и пойдешь его выгуливать.

— О чем разговор! Ты же знаешь, я всю жизнь мечтала о собаке.

— О кошке ты мечтала. О сиамской.

— Это было в детстве, а потом о собаке. О таком вот Жмурике.

— Ладно, оставляем.

— Ура! — Люська так заорала, что Жмурик испугался и сразу же описался.

— Я умываю руки.

— Глеб, подожди. Подержи его, пока я за тряпкой сгоняю.

— Чтобы от меня потом воняло?

— Но я одна не справлюсь.

— Раньше надо было думать.

Я зашел в комнату, слыша, как Люська ворчит и отчитывает Жмурика. Ничего, пусть привыкает.

Через полчаса она просунула голову и заискивающе спросила:

– Еще не спишь?

– Пока нет.

– Глеб, час ночи, я одна боюсь идти.

– Куда?

– Надо в супермаркет сбегать Жмурику за кормом.

– До завтра подождет.

– Ты же все равно не спишь, давай сходим вместе. Заодно поговорим о Дашке. Пошли, а?

Я потянулся. Спать не хотелось, а проветриться перед сном – самое то.

– Идем.

В коридоре, едва я надел кроссовки, Люська завизжала.

– Ты чего, Люсь?!

– Жмурик! Глеб, он мне кроссовку описал. Посмотри!

– Начинается.

– Что делать?

– Может, можно постирать?

– Кроссовку?!

– Ко мне какие претензии?

Люська психанула. Я взял деньги и вышел. Одному пройти даже спокойнее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Урок черчения

В школу я пришел одним из первых. Поднялся на второй этаж, встретившись на лестничном пролете с Яной. Хм, обычно Яна всегда опаздывает. Насколько я помню, она лишь дважды пришла вовремя к первому уроку. Опоздать на три-пять минут для нее почти что норма. А тут до начала инглиша больше сорока минут, а Яна уже в школе.

— Глеб, — опередила она меня вопросом, — почему так рано пришел?

— Так получилось. А тебя каким ветром в такую рань в школу задуло?

Яна быстро подошла ко мне, улыбнулась и тихо ответила:

— На то есть причины.

— Наверняка веские.

— Угадал.

– Теперь попытаюсь угадать, что у тебя в пакете, – я кивнул на черный пакет, который Яна зажимала в правой руке.

– Ну попробуй.

– Там что-то легкое, но объемное.

– Тепло.

– Ммм...

– Больше мыслей нет?

– Неа.

– Значит, ты проиграл.

– А что в пакете, Ян?

Ответить помешала появившаяся на лестнице секретарь школы Алла.

– О! – засмеялась она. – Какие люди в такое время.

– Привет, Ал.

– Привет-привет.

Как только она поднялась на второй этаж и скрылась за поворотом, Яна облизала губы и посмотрела на меня.

– Глеб, ты иди, я скоро тоже подтянусь.

Заинтригованный, я миновал один лестничный пролет, остановился и осторожно перегнулся через перила. Яна меня не видела, все ее внимание было сосредоточено на пакете. Пройдя в дверь на второй этаж, она выглянула из-за угла, постояла в таком положении около двух минут, а затем, резко отстранившись, уткнулась в смартфон.

Прошло несколько секунд, и я увидел Аллу. Она открыла учительскую и сразу же куда-то помчалась. Алла постоянно создает видимость бурной деятельности. Целыми днями носится по школе и постоянно кричит, что ничего не успевает сделать.

Едва Алла спустилась вниз, Яна ужом прошмыгнула в коридор. Перескакивая через две ступеньки, я довольно быстро оказался возле дверей. Выглянул. Остановившись возле учительской, Яна достала из пакета шикарный букет цветов и толкнула дверь.

Так вот оно что, в пакете был букет. Не похоже это на Янку. Не в ее правилах дарить училкам цветы. А сегодня наверняка у кого-нибудь днюха, и Яна решила подмазаться с букетом. Странно. Такое поведение больше подходит Соньке Яковлевой. Она хоть и отличница, но без подхалимажа жить не может. Но Янка...

После инглиша мы с Димоном решили сгонять в столовку, но на первом этаже меня выловила классная Нина Владимировна.

– Глеб, не в службу, а в дружбу, поднимись в учительскую, если Игорь Львович там, пусть срочно подойдет в кабинет биологии.

– О'кей.

В учительской Игоря Львовича не оказалось. Зато за столом сидела завуч, она же училка по черчению – Клара Степановна. Школьная

кликуха Штангенциркуль. Из всех учителей Штангенциркуль наиболее вредная, жесткая и злопамятная. Личную жизнь ей заменила школа, в которой Клара пропадает дни напролет, тренируя учителей и учеников. Вечно недовольная, угрюмая, со своим фирменным рыбьим взглядом, она у всех без исключения вызывает неприязнь.

Но сейчас меня удивило другое. Клара Степановна сидела за своим столом и улыбалась. Верилось в это с трудом. Даже захотелось достать телефон и сделать фотку. Никогда не видел, чтобы губы Штангенциркуля расплывались в довольной улыбке. Обычно на лице ухмылка — мерзкая и ядовитая. И вдруг улыбается от души. Потом я перевел взгляд, заметив на краю стола шикарный букет роз. Цветы стояли в банке с водой, Штангенциркуль смотрела на них и лыбилась. Я выпал в осадок.

Заметив меня, Клара Степановна вздрогнула.

— Глеб? Ты за журналом?

— Нет, мне Игорь Львович нужен.

— Его здесь не было.

Я вышел. Штангенциркуль назвала меня по имени. Нонсенс! У завучихи золотое правило — обращаться к ученикам исключительно по фамилии. «Петров, иди сюда!», «Иванова, к доске!», «Сидоров, выйди из класса!». Янкин букет сотворил чудо, Штангенциркуль впервые улыбнулась по-человечески. Непонятно только, зачем Яне

понадобилось разорваться на цветы для этого монстра?

Пятым уроком было черчение. В класс Штангенциркуль вошла со своим фирменным выражением лица под кодовым названием «Смерть всему живому!».

— Почему доска грязная?

— Забыла помыться, — выкрикнул с задней парты Витька.

— Комаров, вытри доску.

— Почему я? Пусть вытирает тот, кто писал.

Штангенциркуль впиалась в Витьку своими холодными глазками.

— Хорошо, Комаров, я это запомню. Соня, вытри доску.

Пожалуй, Яковлева единственный человек, к которому завучиха обращается по имени. Сонька — правдолюбка и совсем не умеет врать, Штангенциркуль пользуется этим, выуживая из Яковлевой нужную информацию. Сделала из Соньки стукачку, оттого с ней почти никто не общается.

— Соня, — повторила Клара Степановна, — ты меня слышала?

— Да, Клара Степановна, — Яковлева встала и подошла к доске.

— А потом, Соня, — сказал Витька, — съешь тряпку.

Послышались смешки.

— Комаров идет к доске.

– Договорился, – хохотнула Светка.

Витька вышел к доске, а через минуту сел обратно, услышав ехидный голос завучихи:

– Это уже третья двойка.

Начав проверку домашнего задания, Штангенциркуль налево и направо ставила пары. Больше остальных досталось Римме. Римка нормальная девчонка, но учится средненько, а что касается черчения, здесь полный треш. Ну не умеет Римка чертить, и все тут. И каждый раз Штангенциркуль не упускает возможности задеть Римму за живое.

– Учиться надо, Римма, а не в телефон постоянно смотреть. Я понимаю, дома много проблем, пьющие родители, но нельзя же пускать все на самотек.

– Клара Степановна, запрещенный прием, – сказал Димон.

– А тебя разве кто-то спрашивал?

Димон сжал кулаки, но промолчал.

Римма стояла возле стола Штангенциркуля, опустив глаза в пол. Она чувствовала себя не в своей тарелке, и единственным ее желанием было выхватить из рук завучихи свою тетрадь и выбежать из класса. Но Римма не могла позволить себе совершить такой поступок, потому и стояла, опустив голову и ссутулившись.

– Смотри, Коптева, как бы потом жалеть не пришлось. Запустишь учебу, через пять-десять лет составишь компанию родителям-алкоголикам.

Римма сделала резкий вдох, подняла голову, посмотрела сначала на Штангенциркуля, потом на класс и, не выдержав, выскочила в коридор.

— Коптева, вернись! — завучиха была собой довольна.

Меня переполняло раздражение.

— Клара Степановна, зачем вы постоянно унижаете ее пьющими родителями? В чем Римка виновата?

— Озеров, насколько я помню, тебе слова не давали. А когда мне понадобится услышать твое мнение, я обращусь к тебе за советом, — закрыв Римкину тетрадь, Штангенцикуль швырнула ее на край стола.

— А все равно подленько получилось, — сказала Светка.

— Причем уже не в первый раз, — согласилась Марина.

Штангенцикуль встала.

— Рот закрыли!

— Почему вы затыкаете нам рты? — крикнул я. — Мы вообще-то не в концлагере, а вы не эсэсовка.

— Очень в этом сомневаюсь, — ответила Света.

— Ребят, что с вами? — Соня была испугана и постоянно переводила взгляд с довольного лица Штангенциркуля на нас.

— Яковлева, ты вообще лучше не вякай. Иди еще раз протри доску.

— Так, — завучиха прошла по классу. — Бунт на корабле? Хорошо. Кто еще хочет высказаться?

– А за высказывания нас потом не расстреляют?

– Не расстреляют, Комаров, говори.

– А что говорить? Вы при всех унизили Римму, и мне кажется... – Витька замолчал.

– Что тебе кажется?

– Вы должны попросить у нее прощения.

– Согласна, – кивнула Марина.

– Понятно, – Штангенциркуль села на стул и закрыла журнал: – Комаров, будет лучше, если ты до конца урока погуляешь в коридоре.

Витька не двинулся с места.

– Я жду, Комаров.

В классе повисла тишина.

– Все встали, – прокричала Штангенциркуль.

Послышалась возня.

– Будете стоять до тех пор, пока Комаров не выйдет из класса.

– Звонок через семь минут, – хмыкнул Стас.

– А если он не покинет класс до звонка, всем в журнал по единице.

– За что всем-то?

– Это несправедливо.

– Мы здесь при чем?

– Я сказала – всем по единице. И как вы потом станете их исправлять, это уже ваши проблемы. Комаров, ты подводишь класс.

Витька стиснул зубы.

– Мы ждем!

– Не поддавайся, Витек, – шепнул Стасон. – Хрен с этими единицами.

Семь минут мы стояли в относительной тишине. Прозвенел звонок. Взяв журнал, Штангенциркуль подошла к двери.

– За урок всем по единице. Комаров, я иду к директору, за срыв урока в школу завтра придешь с родителями.

Она вышла.

– Стерва! – крикнул Витька.

– Клара Степановна, подождите, – Сонька выскочила из класса.

– Испугалась единицы, – Светка положила в сумочку тетрадь. – Как думаете, Яковлевой тоже поставит?

– Запросто.

– Сомневаюсь, – Марина взяла со стола Штангенциркуля тетрадь Риммы. – А вообще, достала она уже всех. Сколько можно терпеть ее тиранию?

– Она и учителей достала. На прошлой неделе Нину нашу до слез довела.

– Может, начнем ее бойкотировать?

– Вить, как тебе это удастся?

– Очень просто. Забьем на ее уроки.

– Ага. И потом будешь не аттестован.

– Пофиг.

– Тебе пофиг, а мне лично не пофиг.

– Тогда терпи.

Марина вздохнула.

– Жду не дождусь, когда окончу школу и забуду Штангенциркуля как страшный сон.

– Мы все этого ждем.

Вернулась понурая Соня.

– В ногах валялась, умоляла, чтобы единицу не ставили, Яковлева?

– Из-за вас и мне досталось.

– Опять отделяешься от класса?

– Зачем вы полезли на рожон?

– По-твоему, мы должны были молчать?

– Она учитель.

– Она использовала запрещенный прием.

– Ну и пожаловались бы тогда на нее директору, зачем самим влезать?

– Знаешь, в чем разница между тобой и всеми остальными, Сонь? – спросил Стасон, подойдя к Яковлевой. – Ты стукачка, а мы нет. Усекла?

– Отойди.

– Я к тебе не приближался.

Взяв сумку и пакет, Соня вышла.

Настроение у всех ушло в минус.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В издательстве

В издательство мы с Кристиной стартанули в начале четвертого. Предварительно она позволила в редакцию, где работала Татьяна Андреевна, и договорилась о встрече с Ларисой Дмитриевной.

В кабинете помимо нее были еще два редактора. Отказавшись от чая, Кристина растерянно посмотрела на меня, я понял, что говорить придется самому. Кристина попросту не знала, какие вопросы задавать, и сильно сомневалась, стоит ли вообще что-либо спрашивать у коллег сестры. В машине она несколько раз повторяла, что наша затея заранее обречена на провал. Но ведь попытка не пытка, мы ничего не теряем, поэтому я сразу взял с места в карьер. Спросив, в каких отношениях Татьяна Андреевна была с коллективом, услышал слегка удивленный ответ Ларисы Дмитриевны:

– В прекраснейших. Таня вообще неконфликтный человек, даже авторы, которые иногда ведут себя, мягко говоря, не совсем корректно, питали к ней уважение. Острые углы Таня умела сглаживать.

Кристина посмотрела на меня с укором. В ее взгляде читался немой вопрос: чего, мол, ты добился приездом в издательство?

– То есть врагов у нее не было? – спросил я не то разочарованно, не то раздраженно.

– Ни в коем случае, – заверила Лариса Дмитриевна.

– А как же Панкратов? – подала голос девушка, чей стол находился у самого окна.

Лариса Дмитриевна повернула голову.

– А что Панкратов?

– Отвратный тип. Сколько крови он нам всем попортил! А Татьяне Андреевне досталось больше остальных.

– Да ну, Лена, Панкратов не в счет. Неадекватный графоман, по которому давно больница плачет. Мало ли ненормальных кругом?

– Кто такой Панкратов?

– Автор, – сказала Лариса Дмитриевна.

– Ваш?

– К счастью, нет.

– Да какой он автор, – скривилась Лена. – Его писанину никто никогда не будет издавать. До автора ему расти и расти. В этой жизни он точно

писателем не станет. Они с Татьяной Андреевной были на ножах. Панкратов ее ненавидел, он даже угрожал ей.

– Даже так? – Лариса Дмитриевна была удивлена. – Я не знала.

– Угрожал, угрожал. Такие типы очень опасны. Если их разозлить, они на многое пойдут. А Панкратов был очень зол. Из-за мягкого характера Татьяна Андреевна позволяла относиться к себе как к тряпке. Окажись я на ее месте, он бы свое получил. Даже вспоминать противно его мерзкую физиономию.

– Расскажите, что за человек этот Панкратов? – попросил я.

Лариса Дмитриевна убрала в стол толстую папку и посмотрела в окно.

– Что бы ни говорили, – начала она тихим голосом, – а работу редактора легкой не назовешь. Тяжелая работа. Не физически, конечно, морально тяжело. Целыми днями над рукописями сидишь, читаешь, правишь, снова читаешь – день сурка. И авторы разные бывают: одни спокойные, понимающие, другие с головой не дружат. Панкратов из их числа. У него проблемы с психикой, ему бы подлечить нервы, а он в писатели метит. Смешно, честное слово. Впервые мы о нем узнали в конце сентября прошлого года...

Была среда. Таня, Лариса Дмитриевна и Лена занимались рукописями. Филатова читала быстро,

изредка делая записи в блокноте, Лена напротив, постоянно закрывала папку, нервничала.

– Не могу больше, пристрелите меня! Крыша едет от ее тяжеловесных фраз!

– Новый перл? – с усмешкой поинтересовалась Лариса Дмитриевна, безжалостно кромсая чью-то писанину.

– Да какой перл?! Откуда она берет такие слова? «Бластероскопический аэрофлавиальный стереомагнитолазерный луч». Язык сломать можно! А самое главное, не знаешь, есть такой луч или нет. Вдруг она в этом слове пять ошибок сделала, а я их пропущу? Свинство!

– Пометь и читай дальше.

– Тогда придется всю рукопись метить, у Корниловой на каждой странице герой стреляет из «макролептинного пулезаминатора», на завтрак ест «витаминный нуклеодоидный пирательмин» и разговаривает по «дизинеральному сталрониматору».

– Лен, расслабься, не принимай близко к сердцу. Читателю ее книги нравятся, значит, и фразы не коробят.

– Ага, нравятся, – хмыкнула Лена.

В разговор вмешалась Татьяна Андреевна.

– Лена, ты неправа, Маргарита Олеговна пишет хорошо, а нечитабельные фразы необходимы для жанра. Мы же редактируем фантастику, а не детективы.

– Татьяна Андреевна, вы всему найдете оправдание, так нельзя. Неужели у вас ни разу не возникало чувство, что автор, рукопись которого вы читаете, полная бездарь? Ну признайтесь, только честно.

Филатова задумалась.

– Пожалуй, нет.

– Не может быть!

– Это правда.

– Не верю!

– Конечно, попадаются вещи, которые, скажем, написаны слабовато и сильно нуждаются в правке, но если человек смог написать книгу, он уже не может называться бездарным.

– Интересная точка зрения, а как же графоманы?

– Здесь я с тобой могу поспорить. Для начала давай разберемся, кто такой графоман.

– А чего разбираться, графоман марает бумагу ерундой, при этом считает свою писанину шедевром и синеет от злости, когда ему говорят о ее абсолютной нечитабельности.

– Лена, тебя опять заносит.

Лариса Дмитриевна не выдержала.

– Я вас прошу, не начинайте спор. Лена, займись рукописью.

На столе ожил телефон. Татьяна Андреевна сняла трубку. Сообщили, что пришел Панкратов Виталий Владимирович.

– Да, мы договаривались, пусть поднимается.

– Кто там должен подняться? – спросила Лена.

– Автор.

– Новичок?

– Да. Станный какой-то, несколько дней мне звонил, все никак не решался отправить рукопись по почте. Договорились, что сегодня привезет флешку.

– Надеюсь, не очередное подобие Стивена Кинга?

Через пару минут на пороге появился коренастый брюнет неопределенного возраста. Лицо смуглое, волосы до плеч, нос длинный с горбинкой, а глаза... Они постоянно бегали, отчего создавалось впечатление, что мужчина чего-то опасается. Топчась на месте, он уперся взглядом в Ларису Дмитриевну.

– Вы Татьяна Андреевна? – его голос дрогнул, сказывалось сильное волнение.

– Татьяна Андреевна – я, – Филатова улыбнулась и подняла руку: – Проходите, присаживайтесь.

Панкратов в нерешительности приблизился к столу, постоял, затем резко переставил стул в другую сторону.

– Не люблю сидеть лицом к окну, – объяснил он свой странный поступок.

– Напомните, какой объем рукописи?

- Пятнадцать авторских листов.
- Флешку не забыли?
- Она со мной, – Панкратов протянул флешку.
- Ну, Виталий Владимирович, будем рассматривать вашу рукопись.
- Сколько это займет времени?
- От двух до пяти месяцев.
- Мне самому звонить или вы сообщаете?
- Мы пришлем письмо на электронный адрес.

Но если хотите, можете сами позвонить месяца через два–два с половиной.

– А скажите, нельзя ли прочитать рукопись в более сжатые сроки?

– Правила одни для всех, каждый день поступает большое количество текстов, мы физически не успеваем.

– Но моя вещь особенная, не похожая на остальные.

Лена хмыкнула, Лариса Дмитриевна начала пристально разглядывать Панкратова.

– Я говорю не ради красного словца, – поспешно добавил Виталий Владимирович. – Вы сами убедитесь.

– Не волнуйтесь, вашу рукопись обязательно прочтут.

– Разве не вы будете читать?

– Сначала она должна пройти рецензирование, дальше – по результату. Если рукопись рекомендуют к изданию, я начну с ней работать.

– Но вы же сейчас читаете чью-то рукопись.

– Автор печатается у нас более двух лет.

– Ничего не понимаю, при чем здесь рецензент? Вы редактор, значит, читать должны именно вы?

– В издательствах такие правила, – раздраженно бросила Лена, – не мы их придумывали, и претензии предъявляйте не нам. Не нравится – можете отправиться в любое другое издательство, мы вас не держим.

Виталий Владимирович смерил Лену ледяным взглядом.

– Ладно... Хорошо... Я буду звонить.

– Всего доброго.

Рецензия на рукопись Панкратова оказалась отрицательной. Более того, рецензент не постеснялся в выражениях и разгромил нетленку Виталия Владимировича в пух и прах. Татьяне Андреевне предстояло самое неприятное занятие – сообщить автору об отказе.

Узнав, что его роман не подошел издательству, Панкратов взорвался: кричал в трубку, ругался, обещал жаловаться главному редактору.

Через день Панкратов приехал в издательство, начал умолять Татьяну Андреевну лично прочитать его рукопись. Та отнекивалась, но в итоге сломалась. На чтение ушло пять дней. Глотая вечерами напечатанные строчки, Татьяна Андреевна была вынуждена согласиться с рецензентом.

Роман Виталия Владимировича был очень слабым. В каждой рукописи Филатова видела стержень, основу, завязку, действие. Здесь же, кроме нудных разговоров инопланетных существ, не наблюдалось никакого действия. Фантастика должна захватывать, увлекать, переносить читателя в иной, нереальный мир. У Панкротова этот мир ограничился душным помещением, напичканным всевозможными антеннами, проволоками и прочей ерундистикой. Подобный текст изначально обречен на провал.

В пятницу состоялся неприятный телефонный разговор. Филатова отказала автору еще раз. Панкратов швырнул трубку.

Через неделю по электронной почте пришел новый роман Виталия Владимировича. В сопроводительном письме Панкратов, ссылаясь на расшатанную нервную систему, приносил извинения за свой тон и настоятельно советовал с пониманием отнестись ко второй рукописи.

Второй роман оказался на порядок хуже первого, о чем Татьяна Андреевна сообщила автору. Выслушав в свой адрес отборные ругательства, она искренне надеялась, что встреч с Панкратовым больше не будет. Увы, она ошиблась.

Спустя полгода Панкратов снова появился в издательстве. Теперь он стал обвинять редактора в краже собственного текста. Достал книгу другого автора, начал судорожно листать страницы.

– Страница сто пятая! Этот эпизод взят из моей рукописи. Идем дальше: вся четырнадцатая и половина семнадцатой главы тоже позаимствованы из моего романа. Вы воруете идеи у новичков, а потом вставляете их в книги своих авторов! Не позволю с собой так обращаться!

Два дня спустя Татьяна Андреевна получила сообщение от Панкратова. Не стесняясь в выражениях, он желал Филатовой всего самого худшего.

После того как охрана перестала пускать бунтаря внутрь, начались бесконечные звонки по телефону. А однажды Филатова столкнулась с Панкратовым у собственного подъезда. Вероятно, ему удалось выследить, где живет редактор. Схватив Татьяну Андреевну за руку, Панкратов прижал ее к стенке и начал угрожать. В разговоре упомянул и мужа, назвав Сергея Михайловича продажным журналистом.

– Вот вам и враг Филатовой, – сказала Лена. – Ведь не поленился, умудрился узнать, где она живет, кто муж, кем работает. Шпион недоделанный!

– У вас сохранился адрес Панкратова?

– Должен быть в базе данных. Сейчас поищу.

– Вы не в курсе, Панкратов отправлял свои рукописи в другие издательства?

– Понятия не имею, возможно, отправлял.

– Надеюсь, там ему тоже дали от ворот поворот, – заметила Лена. – Во всяком случае, на сайте его отрывки раскритиковали по полной программе.

– На каком сайте?

– Сайт начинающих авторов, там новички выкладывают отрывки своих произведений. Панкратов там, разумеется, засветился.

– Адрес сайта не скажете?

Лена протянула блокнотный листок.

– Держи.

На улице Кристина спросила:

– Глеб, и чего мы добились?

– Вы же слышали, Панкратов угрожал Татьяне Андреевне.

– Угрожал. Но дальше угроз дело не пошло.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. Суди сам. Допустим, Панкратов задумал хитроумный план, в чем лично я сильно сомневаюсь. Ну, пусть будет так, пусть даже он незаметно проник в квартиру, что уже кажется абсурдным. А как быть с оружием? В Сергея стреляли из его пистолета. Откуда Панкратову знать, где хранится оружие и есть ли оно вообще в доме Филатовых? Ну, ты понял меня теперь?

Я понимал, Кристина права. И вся эта история изначально выглядела какой-то неправдоподобной, наигранной, что ли. Одни

нестыковки. Взять того же Панкратова. И так ясно, что мужчина не имеет отношения к произошедшему, но за неимением других версий я ухватился за эту.

– Как утопающий за соломинку, – прошептал я. – Глупо.

– Что ты сказал?

– Да нет, ничего. Так, мысли вслух.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Любознательный сосед

И все-таки мы с Димоном поехали к Панкратову и окончательно убедились, что этот вариант изначально был ложным. От соседей мы узнали, что Виталий Владимирович уже третью неделю находится в больнице.

— Алиби, — сказал Димон.

— Что и требовалось доказать.

— Мы с Люсей сегодня идем к старику, соседу Филатовых.

— Я в курсе. Постарайтесь выудить из него по максимуму, дед постоянно греет уши возле двери, от глазка не отлипает.

— Глебыч, тут закон подлости обязательно сработает, вот увидишь. На все сто уверен, именно в тот час старикан ничего не видел, ничего не слышал.

— Сомневаюсь, хотя... по идее, если Анатолий Яковлевич что-нибудь заметил, он уже рассказал об этом полиции.

– Проверим. С нами пойдешь?

– У меня дела, – уклончиво ответил я.

– А мы, по-твоему, бездельем занимаемся?

– Мы с Яной встретиться договорились.

Димон присвистнул.

– Понятно. Точнее, ничего не понятно. Если Алиска узнает, будут проблемы.

– Она не узнает. А потом, при чем здесь Алиска? Я что, должен спрашивать у нее разрешения, с кем и когда мне можно встречаться?

– Ладно, вопросов больше нет, закрыли тему. Вечером пересечемся у вас, обсудим, что имеем.

– Договорись.

Прежде чем позвонить Анатолию Яковлевичу, Люська решила зайти к Даше.

– Пусть с нами пойдет, Дим, в ее присутствии старик будет более разговорчив. Мне кажется, – добавила она.

Дверь не открывали.

– Облом, Дашки нет дома.

– Я звоню, – Димон кивнул на соседнюю дверь.

– Звони.

Но не успел он дотронуться до кнопки звонка, как дверь распахнулась. Держа в руке мусорное ведро – похоже, он с ним никогда не расставался – пенсионер, скользнув взглядом по ребятам, заулыбался.

– Здравствуйте, Анатолий Яковлевич.

– Здорово. К Дашке пришли? А ее нет, уехала.

– Куда уехала?

– К тетке своей. Оно и правильно, ни к чему девчонке в квартире сейчас находиться. Вот мать выпустят, тогда другое дело, а пока лучше за городом пожить.

– Разве Кристина живет за городом? – удивился Димон.

– Собственный дом у них. Сама мне рассказала – я, знаете ли, заходил к ним вчера вечером по-соседски.

– Анатолий Яковлевич, вообще-то мы пришли не к Дашке, а к вам.

– Да? – старика это заявление не удивило. – Раз пришли, проходите.

– Давайте ведро, я мусор выброшу, – предложил Димон.

Дед смутился.

– Не надо, я потом сам вынесу.

– Когда кто-нибудь появится на лестничной площадке, – шепнула на ухо Димону Люська.

Пересмеиваясь, они прошли в комнату.

– Дашка вчера уехала или сегодня?

– Сегодня. Без тринадцати минут девять.

– Ого! Такая точность.

– Точность во всем и всегда – мой девиз. Так зачем я вам понадобился?

– Хотели спросить... – начала Люська, но Димон ее перебил.

– Вы верите, что Татьяна Андреевна могла стрелять в мужа?

– От моей веры ничего не зависит.

– И все-таки, Анатолий Яковлевич? Даша – наша хорошая знакомая, нам бы хотелось ей помочь, и мы...

– Как тут поможешь?

– Пытаемся выяснить, что на самом деле произошло в тот вечер в квартире Филатовых.

– Шустрая сейчас молодежь пошла. Но я это одобряю. А насчет верю или нет... Не верю, конечно. Дураком надо быть полным, чтобы обвинять Таню в таком зверстве. Хотите мое мнение? Так подставили ее, как пить дать подставили. Таня – убийца... смешно. Вы знаете, кем я работал?

– Нет.

– Надзирателем в тюрьме! Сорок лет на службе, убийц, подонков и негодяев насквозь вижу, одного взгляда достаточно, чтобы определить, виновен человек или нет. Я как рентген! Не верите?

– Верим.

– То-то. Это вам не хухры-мухры, у меня взгляд наметан.

– Анатолий Яковлевич, а вы что-нибудь видели? – с надеждой спросила Люська.

– Если имеешь в виду убийцу, ответ отрицательный. Его я не видел.

– Помните, в тот день мы с Глебом приходили к Филатовым? Мы еще с вами столкнулись?

– Не столкнулись, а встретились. И вас с Глебом помню. Вы пришли ровно в семнадцать ноль-ноль.

– После нашего ухода к Филатовым кто-нибудь приходил?

– Не могу сказать точно. В шесть часов я обычно отправляюсь на прогулку, кого в мое отсутствие занесет в подъезд, сказать не берусь. А зайти кто угодно мог. Вон, в лифте опять надпись сделали. Видели? Бардак кругом. Лампочки повыкручивали, стены изрисовали, зеркало в лифте который раз бьют, паразиты. Жизнь обесценилась, убивают на каждом шагу, телевизор включишь – кровища, газеты откроешь – полно криминальных хроник. Живем как на пороховой бочке, не знаешь, откуда беды ждать.

– Анатолий Яковлевич...

– Слушайте, молодежь, пошли-ка в кухню, у меня там супец на плите булькает, как бы не подгорел.

Димон с Люськой прошли за стариком. В кухне взгляд сразу наткнулся на расположившийся у окна телескоп и артиллерийский бинокль на широком подоконнике.

– Мощный бинокль, Анатолий Яковлевич? – Димон взял бинокль и поднес к глазам.

– Двадцатикратное увеличение.

– Зачетный.

– Дим, дай и мне посмотреть. Анатолий Яковлевич, вы увлекаетесь астрономией? – спросила Люська, вертя в руках тяжелый бинокль.

– Угадала. Люблю смотреть в окна соседних домов, а иногда на звезды. Черт... не то сказал. В смысле наоборот... Ну вы поняли, – дед спешно отвернулся и начал мешать в кастрюле суп.

Минуты полторы Анатолий Яковлевич молчал, потом резко сел на табуретку.

– Значит так, ситуация следующая. У меня есть все основания предполагать, что убийца проник в квартиру Филатовых строго между шестью и семью часами вечера.

– Пока вы гуляли?

– Да! Таня прибежала ко мне...

– Подождите. Как к вам?

– Обыкновенно, через дверь. Начала стучать, звонить, я дверь открыл, она в квартиру ворвалась. Бледная, зареванная, трясется вся. Истерика натуральная. Схватила меня за руку и тянет. «Дядя Толя, – говорит, – там Сережа... и кровь». В квартиру прошел, Сергея увидел, сказал, чтобы Таня полицию вызвала и скорую. Она думала, что Сергея убили. Я пульс пощупал, зрачки посмотрел. А когда полиция приехала, сразу к себе ушел, знал, что сами потом придут. Так и вышло. А как же иначе!

– Нам Татьяна Андреевна про вас не рассказывала. Она даже не помнит, что выбегала из квартиры.

– В таком состоянии это норма. Шок! Так вот, как только я оказался в большой комнате, внимание сразу привлекли настенные часы. Время, которое они показывали, не соответствовало действительности – проще говоря, часы спешили ровно на пять минут.

– Какое это имеет отношение к делу? – спросил Димон.

– Ровным счетом никакого. Просто я терпеть не могу, когда часы врут.

Люська вздохнула: похоже, старику просто не с кем поговорить и он готов нести всякую ахинею, лишь бы собеседник не смылся.

– Чего скривилась, думаешь, я старый маразматик, любящий болтать впустую? Ошибаешься и сейчас сама в этом убедишься. Оба убедитесь. В детстве, играя с пацанами в индейцев, меня всегда звали Зоркий Глаз. Я подмечал малейшее отклонение, мог зайти в помещение, осмотреться, а через месяц в точности рассказать, что, где и как лежало. Улавливаете? С возрастом способность концентрироваться на деталях не пропала, напротив, на девятом десятке я могу дать фору любому Эркюлю Пуаро. По сравнению со мной он мальчишка. А ты скривилась.

– Извините.

– Извиняю. У Сергея имелась отвратительная привычка курить в квартире. Некоторые курят в туалете, на балконе, а Сергей дымил прямо в комнате. Я этого не приветствую. Мало того что травился сам, так еще Танька дымом дышала, Дашка. В тот вечер Сергей сидел в кресле перед телевизором, слева на полу валялся пакетик чипсов, а справа окурки. Окурки лежали на газете.

– И?

– Какой вывод можно сделать?

– Какой?

– Думайте, – улыбался Анатолий Яковлевич. – Соображайте.

– Дим, есть мысли?

– Нет. А у тебя?

– Тоже. Анатолий Яковлевич, мы сдаемся.

– Молодежь! – хмыкнул дед. – Сдаются они. Ты что, в карты со мной играешь? Тугодумка. И ты тугодум, Дмитрий. Ясно же как божий день, что незадолго до того, как в него стреляли, Сергей курил.

– Действительно, как я не догадалась, – съязвила Люська. – И еще он ел чипсы.

– Не иронизируй, а слушай дальше. Сигаретка-то лежала на газете. Поняла, нет? Она выпала из рук Сергея в момент выстрела и перекатилась на газету.

– Анатолий Яковлевич, куда вы клоните? – у Димона проскользнула какая-то мысль, но он не успел за нее ухватиться.

— Что делается с бумагой, когда на нее кладешь сигарету?

— В принципе, может загореться.

— Верно. Сигарета будет тлеть, образуя дырку, затем бумага загорится, и существует большая вероятность возникновения пожара. Только вот в нашем случае неувязочка выходит. Сигарета Сергея была раздавлена, а на газетке имелась маленькая дырочка, чуть больше ногтя. Скумекали?

Люська замотала головой.

— Нет.

— Я, видать, ошибся, когда посчитал тебя шустрой. Соображаешь как бабка столетняя. Давай, Дмитрий, твоя очередь.

— Вы намекаете, что сигарету раздавили?

— Именно! Специально раздавили, чтобы избежать возгорания. Дошло до тебя теперь, Людмила?

— Наверняка Татьяна Андреевна, когда подбежала к Сергею Михайловичу, нечаянно наступила на окурочек.

— Нет!

— Почему вы в этом так уверены?

— Таня прибежала в комнату не сразу, она была на кухне, а маленькая дырка свидетельствует о почти мгновенном уничтожении окурка. Убийца, в планы которого не входил пожар, заметив выпавшую из рук Сергея сигарету, быстро затупил ее своей обувью.

Люська переглянулась с Димоном.

– Это уже серьезно.

– Согласен.

– Анатолий Яковлевич, вы рассказали о своих подозрениях полиции?

– Пытался. Слушали меня вполуха. Оно и понятно, кому охота возиться с мелочами и искать настоящего преступника, когда можно обвинить жену. Думаешь, приятно, когда мокруха нераскрытая висит, от начальства по шапке получаешь, план не выполняется? Короче, у них своя система.

– Сергей Михайлович жив, – напомнила Люська.

– Жив, – кивнул дед. – А выживет ли он – вот в чем вопрос. Если из комы не выйдет и умрет, будет та самая мокруха. А раз Таня в момент совершения преступления находилась в квартире, значит, виновата она. Сказали как отрезали, а всякие там улики, подозрения, домыслы им по барабану. Главное – есть на кого убийство спихнуть.

Некоторое время Анатолий Яковлевич молчал, потом вдруг сказал:

– Это еще не все, окурком мои подозрения не ограничились. Вторая деталь, на которую я обратил внимание, – пульт от DVD. Сергей смотрел фильм, телевизор орал как сумасшедший, Таня его не выключила, даже когда приехала полиция.

— Татьяна Андреевна говорила, что слышала киношные выстрелы, а потом якобы раздался более громкий выстрел.

— Знаю! Только Таня ошибалась. Тот выстрел, который, как ей показалось, прогремел совсем рядом, не имеет к выстрелу в Сергея ни малейшего отношения. Стреляли в кино.

— Не факт.

— Ты, когда телевизор смотришь, куда пульт кладешь?

— Рядом с собой.

— Как и все нормальные люди, — сказал Анатолий Яковлевич. — А у Филатовых пульт лежал не рядом с Сергеем, а у входной двери на комод. Если телевизор никто не выключал, каким образом пульт оказался за три метра от Филатова? Не на ножках же перебежал. Убийца выстрелил в Сергея, схватил пульт и прибавил громкость.

— Зачем?

— Очевидно, чтобы шум помог ему незаметно улизнуть из квартиры. Таня моет посуду, слышит выстрел и, полагая, что стреляют в кино, спокойно продолжает стоять у раковины, а в это время преступник подбегает к двери и...

— Ищи ветра в поле, — сказал Димон.

— Как-то подозрительно все выглядит, Анатолий Яковлевич.

— Напротив, правдоподобно. Люди не умеют мыслить логически, разучились. Привыкли получать

все в разжеванном виде и полностью утратили способность самостоятельно шевелить мозгами. А если мозгам время от времени не устраивать встряску, они что делают?

— Усыхают?

— Отключаются, человек становится дуб дубом. Я каждый вечер, перед тем как лечь спать, в течение часа учу наизусть стихи. Для мозгов встряска? Встряска! И мне приятно.

— Анатолий Яковлевич, вам необходимо пойти к следователю и еще раз с ним переговорить. Уверен, он прислушается к вашим словам.

— Я так и сделаю, как раз завтра собирался. А теперь послушайте о моей третьей, главной улике.

— Говорите.

— С кем жили Филатовы?

— В каком смысле?

— В прямом.

— Втроем.

— Ответ неверный.

— Но они действительно жили втроем.

— Думайте, вспоминайте, кто еще из живых существ обитал в квартире?

— Вы имеете в виду Кешку?

— Молодец! Ставлю пять за сообразительность, хоть и заслуживаешь ты, по большому счету, двойки. Кешка у них пять лет жил, недавно Таня меня спросила, не нужен ли мне попугай, отдавать они

Кешку хотели. Сидит в клетке целыми днями, никто с ним не занимается, ну а я вроде как одинокий, лишний раз с попугаем и поговорить могу. Я согласился. Через день произошло несчастье с Сергеем, а утром я забрал Кешку к себе. Вы вот тут сидите и даже не заметили его.

Димон осмотрелся. Клетка с волнистым попугаем стояла на настенной подставке.

– Почему вы называете его главной уликой?

– Необходимо дожидаться возвращения Даши, и тогда я точно смогу ответить на ваш вопрос. Я ведь его только сегодня утром заметил, Дашка с теткой уже уехали.

– Кого заметили?

– Не кого, а что, – внезапно Анатолий Яковлевич сощурил глаза. – Или есть у меня еще один вариант.

Люська с Димоном выжидательно смотрели на старика.

– Как считаете, ради хорошего дела можно совершить незначительный противозаконный поступок?

– Думаю, да, – выпалил Димон.

– Смотря какой поступок, – сказала Люська.

– Да так, ерунда. Нам с вами надо быстренько оказаться в квартире Филатовых.

– Что?! Вы шутите?

– Нет.

– Это противозаконно.

– О!.. О законе заговорила. Значит, открыть замок – противозаконно, а мающаяся в неволе Таня – это законно. Так, по-твоему?

– Что вы задумали?

Анатолий Яковлевич посмотрел на Димона.

– Людмила может остаться здесь, а мы с тобой быстренько провернем это дельце, а?

– Я согласен, – у Димона загорелись глаза.

– Дим!

– Люсь, все будет в порядке.

– В порядке, – кивал старик. – Даже не сомневайся. Посиди пока тут, чаю попей.

– Не буду я ничего пить. С вами пойду.

– Другой разговор.

– Уверена, Люсь?

– Или идем вместе, или никто никуда не идет.

– Разговорилась, – усмехнулся Анатолий Яковлевич. – Дмитрий, ты спустишься на лестничный пролет вниз, а ты, Людмила, поднимись наверх. На шухере постоите.

Люська смотрела на старика и поражалась. С виду божий одуванчик, а на деле... Проникнуть в квартиру, постоять на шухере. Н-да, правду говорят, в тихом омуте...

– Ни о чем не беспокойтесь, – сказал Анатолий Яковлевич, выйдя на лестничную клетку. – Соседей на площадке сейчас нет, все на работе. Дверь Филатовых открою за минуту, даже моргнуть не успеете. Но если что, дайте сигнал.

Димон спустился вниз, Люська поднялась к мусоропроводу, Анатолий Яковлевич ловко орудовал связкой ключей.

– Эй там, у помойки, – крикнул он спустя пару минут, – у меня все готово.

– Как вам удалось так быстро открыть дверь?

– Дверь что – тьфу и открылась. Заходим в квартиру.

В большой комнате Анатолий Яковлевич быстро подошел к шкафу, открыл створки.

– Что вы ищете?

– Танину одежду.

– Какую именно?

– Любую, на которой есть камушки.

– Стразы?

– Они самые.

– А для чего?

– Слушай, ты можешь замолчать и не задавать глупых вопросов?

– Могу.

– Отлично, тогда помогай искать.

– Я могу посмотреть вещи в шкафу, который в коридоре, – сказал Димон.

– Нет, интересующая нас шмотка должна находиться в комнате.

Пожав плечами, Димон сел в кресло, наблюдая, как старик и Люська ловко передвигают вешалки.

Наткнувшись на черную блузку Татьяны Андреевны, Люська спросила:

– Смотрите, Анатолий Яковлевич, вы случайно не ее искали?

– Она! Ей богу она! Все совпадает.

– Может, вы нам объясните, – не выдержал Димон, – каким образом попугай связан с блузкой Татьяны Андреевны?

– Гляди сюда. Видишь, на блузке одной блестяшки недостает?

– Вижу, но связи все равно не замечаю.

– Что и требовалось доказать. Все поймете чуть позже. Сматываемся отсюда.

Аккуратно закрыв дверь, Анатолий Яковлевич вздохнул с явным облегчением.

– Славненько поработали, комар носа не подточит.

– Зачем вам понадобилось смотреть на блузку? – в десятый раз спросил Димон.

Старик прошел в маленькую комнату, а вернувшись, положил на кухонный стол страз.

– Любуйтесь! Как теперь запоете?

– Это...

– Да, да и еще сто раз да! Эта фигурька с блузки Татьяны. Мои подозрения укрепились.

– Где вы нашли страз?

– У Кешки в клетке. У него две кормушки, в одной корм, во второй – специальная минеральная смесь. Утром сегодня, когда корм менял, заметил, как во второй кормушке среди камешков что-то поблескивает. Пригляделся, а это страз. Мозги

у меня и закипели, процесс пошел. Начал соображать, как камешек там оказался, а потом меня осенило. Убийца прятался в шкафу! Теперь я в этом не сомневаюсь. По всей видимости, чисто автоматически он теребил стразы на Таниной блузке, и один из них оторвался. После того как выстрелил в Сергея, преступник, опять же, действуя на автомате, бросил камень в кормушку попугая. Клетка как раз на комодке возле двери стояла.

— Логично.

— Более чем. Три серьезные улики, замеченные мною, могут полностью оправдать Таню.

— Анатолий Яковлевич, вы обязаны пойти к следователю.

— Ну сказал же, пойду завтра. Утром встану и сразу пойду.

— Вечерком мы к вам придем, узнаем, как все прошло.

— Не возражаю.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Желтый плюшевый заяц

У меня оставалась надежда, что Алиса в последнюю очередь передумает, забудет на школу актерского мастерства, и мы сможем наконец провести вечер вместе. Надежды не оправдались. очередной облом. В школе мы в лучшем случае видимся на переменах, и то если уроки идут на одном этаже, после занятий Алиска сразу убегает домой, наспех перекусывает и летит на репетиции. Даже в выходные не удастся нормально пообщаться. Отдаляемся мы друг от друга, боюсь, если в ближайшее время ничего не изменится...

— Глеб, давно ждешь? — прервала мои размышления Яна.

— Привет. Минут десять.

— Извини, задержалась.

— Ничего страшного.

— Слушай, здесь недалеко открыли тир, может, сходим?

- Хочешь сказать, умеешь стрелять?
- Ты меня плохо знаешь, – засмеялась Яна.
- Ты права, – кивнул я. – Пока я тебя плохо знаю.

Но это ведь временно?

Яна поймала мой взгляд и, как мне показалось, о чем-то догадалась.

- Конечно, временно. Ну что, идем?
- Пошли.

По дороге в тир Яна вдруг заговорила о Штангенциркуле.

- Она всегда такой была?
- Сколько я ее помню – да.
- Мне в четверти пара светит по черчению.
- Исправишь.
- Сомневаюсь. Клара меня терпеть не может, каждый раз к чему-нибудь придирается.
- Волосы твои ее раздражают.

Яна засмеялась.

– Знаю. И волосы, и одежда, и вообще моя внешность бесит Штангенциркуля. Но я не виновата, что так выгляжу. Не буду же я ходить в платке или с косой и в дешевых тряпках. Глеб, так не хочется пару в четверти схлопотать. Вот скажи, – Яна взяла меня за руку и остановилась. – Зачем мне черчение? Где оно может пригодиться мне в жизни?

Ощувив тепло ее ладони, я сглотнул и подумал об Алиске. Черт, даже сейчас, в такой момент, я о ней думаю. С какой стати? Вряд ли она вспоминает меня, наверняка стоит на сцене и шпарит

заученный текст. Отогнав подальше мысли об Алиске, я слегка сжал Янину ладонь. В ответ она сжала мою и улыбнулась.

Какое-то время мы постояли молча, потом Яна повторила вопрос:

– Зачем мне черчение?

– Кем ты хочешь стать? – спросил я осипшим голосом.

Мы снова пошли.

– Планирую поступать в иняз. Ты же в курсе, немецкий я знаю почти в совершенстве, английский тоже.

– Кстати, – спросил я, обрадовавшись, что появилась новая тема для беседы. – Откуда ты знаешь языки?

– До семи лет я жила в Германии. Отец работал в посольстве. Дома разговаривал со мной только по-немецки, а мама по-русски. Еще у меня была няня-англичанка.

– Теперь понятно.

– А ты куда думаешь после школы?

– Хотелось бы в МГИМО.

– Ты сможешь, – твердо сказала Яна. – Учишься хорошо, и вообще... парень ты способный.

Я заметил, как ее щек коснулся румянец.

– К выбору профессии надо подходить серьезно, – продолжала она. – И профессия должна быть серьезной. Не какая-нибудь там актриса или модель.

Я понял, в чей огород был кинут камень.

— Диана тоже актриса, — напомнил я Яне.

— Сравнил! Диана — народная артистка, она звезда, у нее талант. А у Алиски таланта никогда не было.

— Ты ее совсем не знаешь.

— У меня подруга ходит в школу актерского мастерства. Она говорит, Алиска явно не дотягивает до уровня актрисы. Слабовата, да и с талантом напряг.

Я остановился, взял Яну за руку и притянул к себе. Она не сопротивлялась.

— Глеб, ты чего?

— Ты мне нравишься.

Яна молчала.

— А я тебе?

— Нравишься, — сказала она настолько тихо, что я едва это услышал.

— Об Алиске больше ни слова.

— Хорошо.

Быстро оглядевшись, я поцеловал Яну. В тот момент мне было все равно, что обо мне подумает Алиска. Даже если узнает — плевать. Я не обязан под кого-то подстраиваться, у меня своя жизнь.

— Глеб, здесь люди.

Я обнял Яну за плечи.

— И что? Пусть видят.

— Неудобно.

Вот и Алиска так же говорила, когда мы целовались на улице в каком-нибудь укромном месте. Люди увидят, неудобно... Пусть видят и пусть знают, мне нравится Янка. А я нравлюсь ей, она сама в этом призналась.

До тира мы дошли, держась за руки. А в самом тире Яна поразила меня своей меткостью.

– Да ты снайпер, – улыбнулся я, когда Яна в очередной раз попала точно в цель.

– Ружье тяжеловато.

– Кто тебя научил стрелять?

– Отец.

– Круто.

– Ты стреляешь лучше меня.

– Не намного.

– Жалко, здесь призы не дают. Так хочется какого-нибудь плюшевого зайца.

– Я куплю тебя зайца. Прямо сейчас.

Мы вышли из тира и направились в сторону «Детского мира». Там я купил Яне желтого зайца, предложив зайти к нам домой и познакомиться со Жмуриком.

– Жмурик – это кто?

– Щенок. Люська подобрала его на улице. На редкость бестолковый пес, боюсь, таким и вырастет. Грызет все подряд, ночами скулит, спать мешает.

Люська была дома. Услышав, что я открываю дверь, она выскочила из своей комнаты и быстро проговорила:

– Глеб, мы были у Анатолия Яковлевича, завтра он... – увидев Яну, Люська осеклась. – Я потом тебе расскажу.

– Привет, – кивнула Яна.

– Привет, – Люська отошла к двери, но заходить к себе не торопилась. Сканировала взглядом то Яну, то желтого зайца.

– Люсь, где Жмурик?

– Спит.

– Давай его сюда.

– Он спит, Глеб.

– Разбуди. Пусть ночью спит, а не днем. Ян, проходи.

– Где у вас ванная?

– По коридору и направо.

Оставшись наедине, Люська прошептала:

– Как это понимать?

– Что именно? – я прошел в ее комнату и сел на корточки возле дремавшего на подстилке Жмурика.

– Что она здесь делает?

– Пришла в гости.

– Зачем?

– Я пригласил. Ты так и будешь идиотские вопросы задавать? Поставь лучше чайник.

– Алиска в курсе?

– Достали вы меня все со своей Алиской. Алиска сама по себе, я сам по себе. Запомнила?

– Вы поругались?

– Мы не ругались, но это не означает, что я не могу общаться с приятными мне людьми.

– Хорошо, не кипятись.

– Жмурик, подъем, – я взял щенка на руки, вышел в коридор. – Ян, это Жмурик.

– Классный. Дай-ка я его сфоткаю.

– Осторожно, укусить может, – сказала Люська.

– На самом деле?

– Не слушай ее, она шутит.

Яна сделала несколько фоток. Потом мы прошли в мою комнату, начали болтать о пустяках и в итоге оказались в объятиях друг друга. Стояли возле окна, целовались.

Люська зашла в комнату и замерла в нерешительности на пороге.

– Кхе-кхе... Глеб...

Яна отскочила от меня и уставилась в окно.

– Чай готов.

– Мы сейчас придем.

– Я смотрю, Жмурик вам больше не нужен, тогда я его забираю, мы идем гулять.

– Люсь...

– Что?

Я молчал.

– Ну говори.

– У нас там есть... пирожные к чаю?

– Есть, – не глядя на меня, ответила Люська.

– Я не очень понравилась твоей сестре, – сказала Яна, когда Люська увела Жмурика на прогулку.

— У Люськи характер отвратный, она человек настроения.

— И лучшая подруга Алисы, — как бы между прочим сказала Яна.

— Это ничего не значит. Для меня, — добавил я после короткой паузы.

— Правда?

— Думаю, да.

— Ты не уверен.

— Уверен.

Яна взяла пирожное, повертела в руках и положила обратно на тарелку.

— Глеб, хочешь, я покажу тебе свою коллекцию?

— Очень хочу. А что ты коллекционируешь?

— Скоро узнаешь.

Прежде чем выйти из квартиры, мы постояли в прихожей, глядя в глаза друг другу. Я провел рукой по Яниным волосам, она положила ладонь мне на плечо.

— Пойдем, — сказала она.

— Подожди.

Мы все стояли и стояли, а потом я опять ее поцеловал и в тот момент ощущал себя почти счастливым.

Мы остановились перед пешеходным переходом, на светофоре горел красный свет, и вдруг на дорогу выскочила полная женщина.

В одной руке она держала огромную клетчатую сумку, второй тянула за собой худенькую девочку лет пяти. Не обращая внимания на поток машин, женщина ломанулась вперед. Послышался визг тормозов, водитель начал ругаться. Девочка заплакала, и тетка была вынуждена вернуться назад.

– Чего реवेशь? – кричала она на девочку. – Из-за тебя проскочить не успели. Замолчи сейчас же!

– Вам жить надоело? – спросил я. – Куда под колеса кидаетесь?

– И ребенка за собой тянете, – Яна погладила по голове девочку.

– Опаздываем мы, – начала оправдываться тетка. – Время поджидает, а Юлька еле идет.

– У меня ножки устали, – пискнула Юля.

– Не придумывай! От чего они у тебя устали? Это у меня нога болит, а я сумищу такую тащу. И ничего, помалкиваю.

– Я пить хочу, – всхлипнула девочка.

– Терпи. До дома терпи.

– Глеб, зеленый загорелся.

Мы стали переходить дорогу. Юля продолжала всхлипывать, женщина приказывала ей умолкнуть, а едва мы оказались на тротуаре, ойкнула и схватилась за поясницу.

– Спину скрутило. Ты виновата, – она отвесила Юльке оплеуху. – Тащи теперь сама сумку.

Юлька смотрела на сумку, которая была почти одного с ней роста, и испуганно моргала.

— Вам далеко идти? — спросил я.

— Не очень. Пару улиц — и мы на месте.

— Я донесу сумку, идемте.

— Вот спасибо! Целый год за тебя молиться буду. Ни одна зараза, кроме тебя, помочь не предложила, — женщина вытерла платком вспотевший лоб и протянула Юльке руку: — Не отставай!

Юлька завороченно смотрела на желтого зайца.

— Нравится? — спросила Яна.

— Очень.

— Бери, он твой. Глеб, не обидишься?

— Конечно нет.

Юля взяла зайца, начала с восторгом его разглядывать.

— Сказать что надо?! Тебе подарок сделали, а ты молчишь!

— Спасибо, — улыбнулась Юля.

— Теперь будет с этим чудищем ушастым и есть, и спать, — буркнула тетка.

— У меня никогда не было такого зайца.

— Не ври. Был у тебя... жираф. И этот... верблюду плюшевый был.

— От них воняло, — поморщилась Юля.

— А у меня денег нет, чтобы игрушки тебе новые покупать. Что на чердаке нашла, в то и играй. Матери своей спасибо скажи, бестолочи такой! Вся в нее пошла, поганка.

— Когда мама придет? — плаксивым голосом спросила Юля.

— Никогда.

— А-а-а, бабушка...

— Не ной мне!

— А где ее мама?

— В Питер завихрилась, а ребенка на меня оставила. А я ж добрая, безотказная. Всю жизнь людям добро делаю, а они мне злом отплачивают. Взять вот невестку. В Питер укатила, кровопийца. На заработки. Нормальные люди в Москву прутся деньги заколачивать, а Нинка в Питер. Дура! Прямо ненавижу ее, прямо терпеть не могу, заразу. Была бы моя воля, прямо убила бы. Всю жизнь мне испоганила, стерва! Как таких злыдней земля-матушка только носит? Не невестка, а зверь. Она и брешет как собака, рот откроет и давай всех хаять. Гав-гав, гав-гав. Скотина! Слова доброго от нее не услышишь, только и знает, что людей оскорблять, паразитка! Не понимает, гадина, что потом ее злоба ей же бумерангом вернется. Собака страшная! Жмотяра редкостная. Раз в месяц сумку с вещами через знакомую проводницу отправляет, Юльку-то одевать-обувать надо. О!.. А как она жрет! Прости господи, как бульдозер. Здоровый мужик столько не сожрет, а эта маленькая гадость только и знает, что целыми днями желудок набивать. Каши геркулесовой ей наваришь, так за двадцать минут три тарелки слопают. И ведь еще с гонором, сопля малолетняя, еще бузить

начнет, мол, не нравится геркулес на воде без соли и сахара. Ты глянь на нее, привереда. Скажи спасибо, что на воде геркулес даю. Сволочь такая!

Я молчал, сказать было решительно нечего.

– А деньги невестка передает? – спросила Яна.

– Деньги! Да разве ж это деньги? Жалкая подачка! На такие гроши жить невозможно. Юльке шесть лет, она половину букв не выговаривает, на будущий год в школу шкандыбарить, а кто такую бездарность возьмет в нормальную школу? К логопеду идти – денег прорва нужна, а откуда их взять?

– А сами с внучкой заниматься не пробовали?

– Может, мне еще за нее в школу пойти? Чему я ее научить смогу? Мы люди простые, институтов не заканчивали. Я с пятнадцати лет на ткацкой фабрике от зари до зари горбатилась. Чтоб она сгорела со всеми своими станками!

– Ты в детский садик ходишь? – спросила Яна у Юли.

– Сказанула, – ухмыльнулась тетка. – Там деньги платить надо, а где я их достану, еле-еле на еду хватает. Пусть богачи своих деток в сады и колледжи пихают, нам такая роскошь не по карману. Юлька одна дома сидит.

– Она же совсем маленькая!

– Ничего с ней не случится, приучится с ранних лет к самостоятельности, может, человеком вырастет.

– Мне мама шоколадки передает, а бабушка не разрешает чай с ними пить, – пожаловалась Юля.

— Замолчи, неблагодарная! Лучше бы мать одежду передавала нормальную. Напихает полную сумищу обносков, а бабка крутись как хочешь. Шоколада ей захотелось! А зубы разболятся от шоколада, что тогда бабке делать, брать плоскогубцы и повыдирать? Имей в виду, если чего, я так и сделаю. Денег, чтобы тебя по зубным таскать, нет. Геркулес жри, о шоколаде и не мечтай.

Когда дошли до шестнадцатизэтажного дома, тетка (кстати, она представилась тетей Вале́й), заметив стоящую возле подъезда высокую брюнетку, ускорила шаг.

Я поставил сумку на верхнюю ступень, и тетя Валя незамедлительно начала выкладывать на скамью детские вещи.

— Глеб, ты что-нибудь понимаешь?

— Пока нет.

Мы стояли чуть в стороне, наблюдая за ловкими действиями тети Вали, стоявшей молча брюнеткой и Юлей, прижимавшей к груди плюшевого зайца.

Когда вещи были разложены, брюнетка начала тщательно осматривать разноцветные брюки, кофты, свитера и костюмы. Минуту спустя новые вещи переключались в ее сумку. Вещи похуже Валентина пихала обратно в свой баул. Когда обмен закончился, брюнетка достала кошелек.

— Пять тысяч.

— Да на тебе креста нет! Посмотри, какие шмотки, новые. И за все пять тысяч? Нет, не пойдет.

Там один костюм бежевый тысячи на три потянет. Выкладывай назад!

— Шесть тысяч.

— Нет! Рубашка джинсовая новая. Она в «Детском мире» полторы тысячи стоит.

— Больше шести с половиной не дам.

— На семи сговоримся?

Брюнетка снова открыла кошелек.

Засунув деньги в карман, тетя Валя засмеялась.

— Вот и все, теперь можно домой возвращаться.

— Вы продали почти все вещи, которые мать передала Юле, — почти кричала Яна.

— И что? Ей-то по двору все равно в чем бегать, а лишняя копейка в доме не повредит. Юлька, скажи до свидания. Пора нам.

Юля помахала рукой, тетя Валя подтолкнула внуку в спину, и они побежали в сторону автобусной остановки.

— Врагу такой бабки не пожелаешь.

— Да уж, не повезло девчонке. Жалею, что согласился дотащить сумку, осадок остался неприятный. Как будто сам принимал участие в продаже детских шмоток.

— Ты прав.

— Надеюсь, когда увижу твою коллекцию, настроение улучшится.

— Правда, теперь она будет неполной, — вздохнула Яна. — В ней будет нехватать твоего подарка — желтого зайца.

Яна коллекционировала зайцев. В ее коллекции насчитывалось более ста пятидесяти длинноухих. Керамические, деревянные, тряпичные, гипсовые, стеклянные зайцы были повсюду. Яна начала собирать их пять лет назад, с тех пор, по ее собственным словам, никак не может остановиться.

— Они мне уже поднадоели, но привычка сильнее меня. Если вижу в магазине симпатичного зайца, сразу тянусь за деньгами.

На письменном столе в хрустальной вазе стоял букет цветов: сочетание бордовых роз и белых лилий. Я обратил на него внимание, а когда Яна вышла из комнаты, даже понюхал цветы.

Теперь представьте мое удивление, когда утром я увидел точно такой же букет в руках Штангенциркуля. Зашел в учительскую за журналом и наткнулся на завучиху. Наполнив банку водой, она поставила в нее букет и села за стол. Меня в упор не заметила. Я спокойно взял журнал и вышел. Штангенциркуль даже бровью не повела. Таращилась на букет, как загипнотизированная.

Не знаю, почему, но меня это стало напрягать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Компромат

После школы я проводил Яну домой. По дороге мы зашли в открытое кафе, посидели, поговорили, решив вечером или пойти в кино, или поехать в каком-нибудь классном местечке. Мне было хорошо с Янкой, и напрочь расхотелось заниматься расследованием. Теперь оно казалось мне смешным и нелепым. Зря мы ввязались, все равно дело труба. Ничего у нас не выйдет, и как бы мы ни старались, узнать имя человека, стрелявшего в Сергея Михайловича, не удастся. Пусть расследованием занимается полиция, мне намного приятней и интересней проводить время с Яной.

Правда, сегодня на перемене я столкнулся с Алисой. Пообщались минут пять, она куда-то спешила. Пока разговаривали, я думал, что с Яной больше не встречусь, стоял возле Алиски, слушал ее торопливую речь, корил себя за вчерашнюю минутную слабость. Но потом Алиска убежала,

сказав, что до субботы мы вряд ли увидимся, мол, много дел в школе актерского мастерства. А я что, я просто устал ее ждать. На одну чашу весов Алиска поставила меня, на другую актерство. Актерство явно перевешивало. Что ж, у меня тоже есть такие весы. На двух чашах стоят Яна с Алисой, сначала было равновесие, но постепенно чаша Яны начала перевешивать. И с этим вряд ли можно что-то сделать.

Люська позвонила мне в четыре часа.

— Глеб, когда будешь дома?

— Через часик, а что?

— Раньше можешь прийти?

— А в чем дело?

— Это касается нашего расследования.

Я пожал плечами и улыбнулся стоящей рядом Яне.

— Время терпит, потом расскажешь.

— Нет, — настаивала Люська, — это очень важно. Глеб, пожалуйста, приходи сейчас.

— Ладно, постараюсь.

— Мы ждем, — крикнула Люська и отсоединилась.

— Кто звонил?

— Люська.

— Ты уходишь?

— Еще чего. Мы же собирались в парк. Люська подождет.

— Что она хотела?

– Да так, ерунда. А вообще, знаешь... – внезапно я остановился и пристально посмотрел на Яну.

Мне вдруг захотелось все ей рассказать. В конце концов, это не секрет, и я могу с ней поделиться. Но в последний момент передумал. Незачем ее впутывать.

Когда я пришел домой, Люська не преминула съязвить:

– Как ты быстро, даже соскучиться не успела.

– Димон у нас?

– У нас.

– Что за срочность?

Димон вышел из кухни, держа в руке кусок пиццы.

– Привет, Глебыч, иди на кухню, там остался один кусок для тебя.

– Почему только один?

– Потому что ты шляется неизвестно где. И с кем, – добавила Люська. – И свою порцию прохлопал. Скажи спасибо, что один кусок оставили.

На кухне, дав мне дожевать, Димон выдал:

– Измена, Глебыч. После уроков мы ломанулись к старику, но его не оказалось дома.

– Глеб, ночью в подъезде был пожар, подожгли квартиру Анатолия Яковлевича. Старик умер.

– Почему ты сказала о поджоге?

– Подожгли дверь Анатолия Яковлевича.

– Вот как! – мне стало стыдно за недавние мысли про наше дилетантское расследование.

– Разговаривала с соседкой, она сказала, что видела ночью в глазок мужчину, который ошивался у двери Анатолия Яковлевича. Она не придала этому значения, легла спать, а через сорок минут проснулась от запаха гари. Понимаешь теперь, что квартиру старика подожгли?

– Нет, – сказал я.

– Что нет, Глеб?

– Квартиру Анатолия Яковлевича подожгли по ошибке.

– Как это?

– Наверняка хотели спалить квартиру Филатовых, но тот парень перепутал.

– В этом есть резон, – согласился Димон.

– Ребят, не врубаюсь, зачем кому-то понадобилось поджигать квартиру Филатовых?

– А зачем кому-то понадобилось стрелять в Сергея Михайловича и подставлять Татьяну Андреевну? Мы не знаем, что Филатов хранил в квартире, возможно, там находились важные документы. Скажем, компромат. Потому и решили уничтожить все улики.

– Хм, – Люська прошла по кухне. – Мне не приходило это в голову.

– Глебыч, это еще не все. От соседки мы узнали, что вчера вечером Анатолий Яковлевич отдал Кешку.

– Кому?

– Она не знает. Видела только, как старик вынес клетку из квартиры и вызвал лифт. Соседка

мусор выбрасывала, спросила, куда попугая несет, Анатолий Яковлевич ответил, что отдает его.

– Странно. Уверял, что с Кешкой ему веселее будет, и в тот же день избавился от него.

– Что теперь делать? Если самим пойти к следователю и рассказать о подозрениях Анатолия Яковлевича, не думаю, что наш рассказ воспримут всерьез.

– Я предлагаю смотаться к Алене Петрищевой, вероятно, она сможет что-нибудь прояснить в этой истории.

– Или еще больше запутать, – покачала головой Люська.

Из коридора слышалось жалобное поскрипывание.

– Жмурик, иди сюда.

Щенок продолжал скулить, потом начал скрести когтями пол и наконец, радостно затавкая, убежал в глубь квартиры.

Люська вышла в коридор и заорала.

– Жмурик! Глеб, он опять написал на пол.

– Я здесь ни при чем. Вспомни, какой был уговор.

– Мордой его надо в лужу ткнуть, – посоветовал Димон.

– Зачем, он же не котенок.

– Одна хрень. Люсь, поймай его и ткни, пусть знает, что просто так его проделки не пройдут.

Люська начала носиться по квартире за Жмуриком. Щенок воспринимал беготню как игру,

поэтому уносил лапы от Люськи, потягивая от удовольствия.

– Стой, гад! Глеб, лови! Димка, помогай! Жмурик, фашист, я тебя все равно поймаю.

К Алене Петрищевой Люська поехала одна. Димон не смог, у меня тоже день был занят, к тому же Люська сказала, что сопровождающие ей не нужны. Алена Леонидовна встретила ее с перебинтованным горлом, бледным лицом и воспаленными глазами. В прихожей она сразу протянула Люське марлевую повязку.

– Возьми маску, я гриппую. И пойдем в комнату, я буду разговаривать лежа, голова кружится.

– Алена Леонидовна, вы меня помните? – спросила Люська, идя за Петрищевой.

– У Сереги встречались.

– Вас не удивило, что я вам позвонила и попросила о встрече?

– И да, и нет, – последовал ответ.

Не став юлить, Люська рассказала Петрищевой о расследовании. Алена Леонидовна ничуть не удивилась. Выслушав рассказ, помолчала, а потом заявила:

– Это было заказное убийство! Точнее, попытка убийства.

– Вы уверены?

– Голову даю на отсечение!

– А подозреваемые у вас есть?

– Серега постоянно ходил по острию бритвы, балансировал, как акробат, между жизнью и смертью.

– Мне казалось, он простой журналист.

– Простой журналист, – усмехнулась Петрищева. – Простой журналист сидит в комнате за столом и придумывает «сенсации» для желтых газет типа «Мэрилин Монро жива». Серега никогда не освещал светские мероприятия, не караулил у подъездов звезд, чтобы сделать снимок для пошлой статейки, и не занимался написанием сплетен. Серега разоблачал скотов и негодяев! Благодаря его стараниям за решеткой оказались многие высокопоставленные чины. Он жаждал справедливости и, как правило, всегда ее добивался. На Филатова неоднократно совершали нападения. Избивали у подъезда собственного дома, угрожали отправить на тот свет жену, дочь, мать. Серега кремень, его невозможно остановить. Когда он задавался целью, то шел напролом, наплевав на угрозы. Я не встречала больше людей, в которых так прочно сидело бы чувство справедливости.

– И кто, по-вашему, мог заказать Филатова?

– Кто угодно, – пожала плечами Алена Леонидовна. – По всей видимости, он начал копать под очередного сильного мира сего. Тому, разумеется, такой расклад пришелся не по душе. Это всего

лишь предположения, но думаю, я недалеко от истины. Хотя вынуждена признать, способ устранения «ненужного» журналиста не совсем обычный. Убийство в собственной квартире. Странно все это.

— Вы считаете, это дело рук киллера?

— Затрудняюсь ответить.

— Алена Леонидовна, вы с ним работали, значит, должны знать, кому именно не угодил Сергей Михайлович.

Петрищева потянулась к чашке с морсом.

— Ошибаешься. Да, мы были друзьями, но Серега никогда не распространялся о своих делах.

— Даже вам?

— Никому! Он придерживался мнения, что доверять кому-либо глупо. А доверять друзьям глупо вдвойне. Сегодня вы друзья, завтра злейшие враги, поэтому о делах Филатова знал лишь сам Филатов.

— Но хоть какие-нибудь предположения у вас имеются?

— Очень смутные.

— Пожалуйста, поделитесь.

— Примерно год назад Серега начал собирать компромат на одного влиятельного человека.

— Имя известно?

— К сожалению, нет. Носился с горящими глазами, уверяя, что, когда выведет на чистую воду мерзавца, поднимется настоящий скандал. Копался в архивах, собирал материалы о смерти Верещагина...

– Верещагин? Знакомая фамилия.

– Станислав Верещагин был известным коллекционером, несколько лет назад его нашли мертвым в собственной квартире. Убийцы нанесли старику более двенадцати ножевых ранений, он скончался мгновенно.

– Ограбление?

Петрищева закивала.

– Я не очень помню события тех дней. Если мне не изменяет память, были похищены ценные украшения или что-то вроде того.

– В каком году был убит коллекционер?

– В начале двухтысячных. Точный год не скажу.

– Странно, зачем Сергей Михайлович начал ворошить прошлое?

– Неужели ты не понимаешь, ответ очевиден?

– Не понимаю, – призналась Люська.

– Преступников так и не нашли, а это означает...

– Филатову удалось выяснить, кто отправил старика к праотцам? Вы это хотите сказать?

– Вероятнее всего, так и было.

– Но почему бы тогда Сергею Михайловичу не отправиться в полицию?

Алена Леонидовна хмыкнула.

– Вопрос чести. Серега всегда все доводил до конца. Обращаться в органы есть смысл, когда на руках имеются неопровержимые доказательства. Не домыслы и слухи, а конкретные бумаги, пленки, фотографии. Факты, одним словом.

– Наверное, вы правы, – неуверенно сказала Люська.

– Несколько месяцев назад Серега ездил на зону.

– Для чего?

– Порой мы способны горы свернуть, лишь бы добиться желаемого результата. Он занимался серьезным расследованием, и этим все сказано. Кроме того, несколько раз к нам в редакцию приходил некий Коновалов. Они с Серегой шептались по углам, рассматривали фотографии. К сожалению, в начале марта Коновалов скончался от сердечного приступа.

– А кем он был?

– Ювелиром.

– Случайное совпадение или...

– Скорее всего «или». И Верещагин, и Коновалов имели непосредственное отношение к драгоценным металлам и камням. Возможно, Сереге действительно удалось выйти на след преступников.

– Алена Леонидовна, вы упомянули компромат. По-вашему, у Сергея Михайловича могли быть неопровержимые доказательства?

– Я почти в этом уверена.

– Но из квартиры ничего не украдено.

– А там нечего красть, обычно Серега отвозил серьезные бумаги, диктофонные и видеозаписи на квартиру матери. Однажды, вернувшись с работы, он обнаружил, что в квартире кто-то

хозяйничал, хранить компромат дома стало небезопасно.

...Вечером я, Димон и Люська собрались на нашей кухне. Опять обсуждали, предполагали, решали, как действовать дальше.

– Необходимо съездить к Дашкиной бабке. Если у нее есть бумаги...

– Люсь, не гони лошадей. Даже если бумаги есть, с какого перепугу она отдаст их тебе?

– Мне не отдаст, а Дашке?

– Сомневаюсь. Глебыч, а ты как думаешь?

– Скорее всего, и Дашке она ничего не отдаст.

– Родной внучке?

– Люсь, тут дело не в родстве. Сын журналист хранит документы у матери. Разумеется, та понимает всю серьезность и ответственность. Она будет хранить их до тех пор, пока сам Сергей Михайлович не придет за бумагами, или что он там отвез матери.

– Но проверить все-таки стоит.

– Поговори с Дашкой. Попытка не пытка.

В кухню вбежал Жмурик.

– Чего такой довольный? – нахмурилась Люська.

– Наверное, опять лужу оставил где-нибудь.

– Я ему оставлю! Голову откручу.

Жмурик подбежал к Димону, поставил передние лапы ему на колени и завил хвостом.

– Подлизывается.

– Предлагаю пойти с ним погулять. Я только домой заскочу, Марса возьму.

– Дим, Жмурик его испугается.

– Не испугается, пора их познакомить.

Люська взяла щенка на руки.

– Слышал? Сейчас отправишься знакомиться с огромной кавказской овчаркой.

На улице, когда Димон скрылся в своем подъезде, а Люська, держа поводок, пошла за Жмуриком по газону, я сказал:

– Получается, мы ошибались, преступника нужно искать среди окружения Сергея Михайловича.

– Это сложно.

– Сложно, – согласился я. – Если Татьяну Андреевну недолюбливал один Панкратов, то круг недоброжелателей Сергея Михайловича намного шире.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Двое в школе

На черчении Яна достала айфон и начала демонстративно вертеть его в руках.

- Убери, – сказал я, кивнув на завучиху.
- Сообщение надо срочно отправить.
- Увидит – отнимет.
- Пусть только попробует.
- Хотя бы спрячь под стол.
- Глеб, подожди, не сбивай меня.

У Штангенциркуля есть пунктик: она не навидит, когда на ее уроке кто-нибудь достает телефон. Даже если он просто лежит на парте Клару Степановну это начинает бесить. А если заметит, что телефоном пользуются, тогда вообще кранты. Отбирает и возвращает только родителям. На черчении мы не рискуем светить телефоны, и Янке это прекрасно известно, но сегодня она почему-то решила завучиху проигнорировать.

– Авдеева! – голос Штангенциркуля прорезал тишину в классе.

– Блин, Ян, нарвалась, – прошептал я.

Как ни в чем не бывало, Яна подняла глаза и спросила:

– Что, Клара Степановна?

– Убрать телефон.

– Ага, только сообщение отправлю.

На пару секунд завучиха выпала в осадок. Витька усмехнулся, а Светка, обернувшись, тихо сказала:

– Янка, пять баллов.

– Авдеева, телефон мне на стол!

– А? Что?

Подойдя к нашей парте, Клара Степановна выхватила у Яны айфон.

– Заберет мать или отец.

– Клара Степановна, отдайте телефон.

– Дважды я не повторяю.

– Вы в курсе, что он стоит больше двадцати тысяч? Если пропадет...

– Тишина в классе!

– Все, Янка, теперь ты как без рук, – связвил Витька.

– Комаров идет к доске.

– За что? Я ничего не сделал.

– Или два в журнал.

Витька нехотя встал из-за парты.

– И чего ты добилась? – спросил я. – Знала же, что Клара его отнимет.

– Бесит она меня, Глеб.
– Это не новость. Она всех бесит.
– Ты в курсе, какую подлянку Штангенциркуль сделала Нине Владимировне?

– Нет.
– Лишила ее премии.
– Да ладно?
– Представь себе.
– Озеров, Авдеева, еще одно замечание – и выйдете из класса.

На минуту Яна замолчала, а когда Штангенциркуль начала наезжать на Витьку, снова заговорила:

– Видела на второй перемене Нину Владимировну, она чуть не плакала.
– Она сама тебе сказала про премию?
– Да прям! Я от Аллы узнала.

Алла была большой любительницей поболтать с учениками обо всех школьных делах. Но чаще всего она сливала информацию о подлянках Штангенциркуля.

– Глеб, ты прикинь...
– Озеров, вышел из класса. Авдеева – за ним следом.

– Пошли, – усмехнулась Яна.
Мы встали.
– Вещи забирать? – спросил я.
– Забирайте, – завучиха села на стул и взяла ручку. – Свои двойки вы уже получили.

– Пара-то за что?

– За попытку срыва урока.

– Но...

– Разговор закончен! Живее выходите.

В коридоре я облокотился о подоконник и засмеялся.

– Похоже, у нас у всех по черчению в четверти пары вырисовываются.

– Кроме Соньки.

– Сонька не в счет. Так что тебе еще Алла сказала?

– Типа Нина Владимировна недорабатывает, поэтому премия ей не положена.

– Как недорабатывает? Нина Владимировна – одна из лучших учителей школы.

– Чего ты мне это говоришь, я все и так знаю. Но премии ее лишили.

– Офигеть, – я стукнул кулаком по подоконнику. – А директриса?

– А что директриса? Ты же знаешь, у них с Кларой дружеские отношения.

– И ту и другую из школы бы выгнать.

– Во-во. Только этого никогда не будет. Другие учителя молчат в тряпочку, каждый боится за себя. Если начнут защищать Нину и пойдут против этой чертильной доски, наживут себе проблемы.

– Каждый сам за себя.

– Противно это.

– Нину жалко.

– Конечно жалко, – Яна вдруг посмотрела на меня и закусила нижнюю губу: – Так и хочется Кларе подлянку сделать.

– Не вариант, – ответил я.

– Почему?

– А смысл? Нельзя с ней ее же методами.

– По-другому она не понимает.

– Все равно.

Яна отвернулась. Через минуту прозвенел звонок.

– Пошли в столовку.

– Ты иди, а я, может, позже подойду, надо кое с кем переговорить.

Когда из класса вышел Комаров, Яна его окликнула:

– Вить, иди сюда.

– Где Глеб?

– В столовке. Что получил?

– Трояк с большим минусом.

– Трояк от Штангенциркуля не так уж и плохо. Давай отойдем, разговор есть.

– Ян, – крикнул Димон, – Глебыч где?

– В столовке он, – отмахнулась Яна и потащила Витьку на первый этаж.

– Куда идем?

– Туда, где нам не помешают.

– Заинтриговала.

Под лестницей на первом этаже Яна призналась:

— За четверть по черчению у меня пара выходит.

— Удивила. У меня тоже.

— Что планируешь делать?

— Фиг знает, — Витька пожал плечами.

— Исправить вряд ли удастся.

— Есть идеи?

— Одна идейка имеется.

— Выкладывай.

— Кто сегодня убирает наш класс?

— Понятия не имею. У Соньки надо спросить.

— Хорошо, я спрошу. Вить, нам с тобой надо будет договориться, чтобы в классе убирались мы.

— Мне это не нравится, но все равно продолжай.

— Сможешь родителям сказать, что останешься у кого-нибудь с ночевкой?

— Янка, куда ты клонишь? Говори уже.

— Предлагаю сегодня ночью остаться в школе.

Витька хмыкнул и сунул руки в карманы джинсов.

— Понятно, очередной развод.

— Не развод, Вить, я серьезно. Короче, слушай, предлагаю взять из учительской наш журнал. Врубаешься? Днем это сделать невозможно, после уроков там Алка висает часов до шести. Потом учительскую закрывают. Ночь — самое подходящее время.

– Подожди, Янка. А как ты планируешь остаться в школе незамеченной? Охрана ведь есть.

– Вить, не тормози. Часа в четыре мы придем убирать класс, закроемся там и выйдем только ночью. Охранник будет торчать внизу, на третий этаж он не станет подниматься.

– Учительская на втором, – машинально ответил Витька.

– И на втором ему делать нечего.

– А ключ?

Яна достала из кармана ключ.

– Вот он.

– Откуда?

– Не бойся, я его не украла. Позаимствовала на прошлой неделе у Аллы. Она его на столе оставила, я стянула, пошла сделала дубликат и вернула обратно.

– Янка, если это не развод и не розыгрыш... зачет тебе.

– Ну как, согласен?

– В принципе да, только у меня вопрос: почему ты ко мне обратилась?

– Чувствовала, что ты не откажешься.

– А если серьезно?

– Хотела Глеба подбить, но он вряд ли согласился бы.

– Рыбак рыбака видит издалека, – засмеялся Витька. – О'кей. Тогда встречаемся в четыре у школы.

Дежурными сегодня были Надя и Стас. Услышав просьбу Янки, оба сразу согласились поменяться дежурствами.

Без пятнадцати четыре Витька подошел к школе. Яна его уже ждала.

– У кого ты сегодня ночуешь? – спросила она.

– У Димона. А ты?

– А я у Светки.

Они зашли в школу, прошли мимо охранника и направились в сторону лестницы.

– Да, Витька, к сегодняшнему мероприятию ты не подготовился.

– Почему такие выводы?

– Налегке пришел.

– А что, по-твоему, я должен был с собой взять помимо рюкзака с учебниками на завтра?

– О еде и питье ты не подумал?

Витька остановился.

– Забыл!

– Ладно, не парься, – Яна кивнула на пакет. – Зато я об этом позаботилась.

– А что взяла?

– Бутерброды, чипсы, пару шоколадных батончиков и термос с кофе.

– Значит, живем, Янка.

– Живем.

Они поднялись на третий этаж. Уборка класса заняла минут сорок, потом Яна полила цветы и достала кофе.

Витька потер ладони.

– Что-то я проголодался.

– Интересно, почему? Убиралась в основном я, ты в Интернете зависал.

– А доску кто протирал?

– Ах да, совсем забыла, ты же протирал доску. Не надорвался?

– Янка, не придирайся.

– Держи, – Яна протянула Витьке бутерброд и пластиковый стаканчик с кофе. – Осторожно, горячий.

До вечера ребята просидели за партой. Витька с телефоном, Яна с планшетом. Изредка они вставали, ходили по классу, чтобы немного размяться, разговаривали, торопили время.

В начале двенадцатого Витька сказал.

– Пора.

– Давай подождем еще часик.

– Какая разница, сейчас или через часик.

– Хочу быть уверена, что охранник нас не услышит.

– Он же не филин. Сидит себе за столом возле двери с планшетом.

– Как думаешь, он ночью спит?

– Трудно сказать. Может, спит, а может, нет.

– Вить, давай до двенадцати подождем.

Витька прошелся по классу.

– Ладно, подождем. Кстати, почему ты шепотом разговариваешь?

– Не знаю, – засмеялась Яна.

– Никогда не оставался в школе на ночь. Слушай, у нас завтра первый урок какой?

– Алгебра вроде.

– Точно?

– Да.

Витька сел на парту и заулыбался.

– Как смотришь на то, чтобы поднять ребятам настроение с утра? Засунем в замочную скважину спичку – и хана алгебре.

– У тебя есть с собой спички?

– Нет. Но можно поискать что-нибудь.

– Забей на алгебру, Вить.

– Меня завтра алгебруха точно спросит.

– Мы здесь не за этим.

– Янка, но такая возможность... Когда еще удастся провести ночь в школе?

– Съешь лучше бутерброд.

– Последний?

– Да.

– Тогда есть не буду.

– Почему?

– Ешь сама.

– Давай половину тебе, половину мне.

– Давай, – согласился Витька. – Кофе еще остался?

– Налить?

– Плесни немного.

...В двенадцать часов Витька открыл дверь класса и выглянул в коридор.

– Что там? – спросила Яна.

– Ничего интересного. Темнота.

– Тогда пошли.

– Ключ не забудь.

– В руке держу.

– Ян, ты фонарик взяла?

– Зачем нам фонарь, у тебя телефон есть.

– Не сообразил.

Они вышли из класса, направились к лестнице.

– Если вдруг нас спялят, скажем, что убирались в классе и заснули.

– Ты долго думал, Вить?

– А что?

– Кто тебе поверит? И вообще, не каркай, никто нас не спалит.

На втором этаже, подойдя к учительской, Яна протянула Витьке ключ.

– Открой ты, у меня руки трясутся.

– Возьми телефон, посвети.

Ключ зашел в замочную скважину, повернулся два раза, и дверь открылась.

– Отлично, Янка, полдела сделано. Теперь хватаем журнал и возвращаемся.

– Вить, ты бери журнал, а я пока тут осматриваюсь.

– В темноте?

– Стол Штангенциркуля я и в темноте увижу, – Яна выдвинула верхний ящик стола.

– Что ищешь?

– Свой айфон. Хочу его забрать. Завтра мать придет к Кларе, а айфона нет. Ей не отвертеться, обязана будет вернуть деньги.

– Янка, мы так не договаривались.

– Ей всегда все сходит с рук, пусть хоть раз окажется в дураках.

– Опасно, Ян. Если взять и айфон, и журнал, нас могут вычислить.

– Как?

– Очень просто. В краже журнала будут подозревать кого-нибудь из наших, согласна?

– Не обязательно.

– Обязательно. А тут еще твой айфон из учительской исчез. Не-е, палево, Янка. Одно из двух: или берем журнал, или айфон. Решай.

– Вить, его здесь нет.

– Домой она его вряд ли забрала.

– Тогда где он?

– Проблема решилась сама собой, – усмехнулся Витька.

– Не смешно.

– Ты сказала ей, что он очень дорогой, Клара побоялась оставлять его в школе.

– Блин!

– Янка, у меня тоже облом.

- Что там?
- Журнал не могу наш найти.
- Смотри лучше.
- Нет его здесь.

Яна подошла к шкафу, начала искать. Через десять минут стало ясно, что и журнал 10 «Б» в учительской отсутствует.

– Отлично! Мы остались в школе на ночь, и все впустую.

– У нас физра последней была. Физрук часто забывает журнал в учительскую занести.

– Давай еще раз проверим.

Но и второй раз не принес результата.

– Валим, – Витька был разочарован. – С другой стороны, наверное, так даже лучше.

– Почему лучше?

– Не хочется быть вором, Янка.

– Ты это только сейчас понял?

– Да. И рад, что мы ничего не взяли.

– Но в учительскую проникли.

– Об этом никто не узнает.

– Я надеюсь, – Яна закрыла дверь и посмотрела на Витьку. – Теперь мне не по себе. Ты прав, Витька.

– Раскаяться никогда не поздно.

В классе Витька поставил будильник на половину седьмого. В семь они с Яной спустились на первый этаж, встали под лестницей в ожидании открытия школы. Появились первые

ученики. Ребята вышли из своего укрытия, смешавшись с остальными.

Витька оказался прав, их журнал находился у физрука, а айфон Яны Клара Степановна забрала домой. Вернула она его матери Яны в тот же день.

На втором уроке Витька заснул прямо на парте, за что был отправлен к директору. Там он краем уха услышал, что Нина Владимировна написала заявление по собственному желанию.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Встреча на набережной

С Дашей Люська встретилась в метро.

— Я так и не поняла, о каких документах ты говорила по телефону, Люсь?

— Алена сказала, что Сергей Михайлович хранил бумаги у своей матери.

— Я об этом ничего не знала.

— Можем сейчас к твоей бабушке ломануться?

— Само собой.

— Как думаешь, согласится она показать бумаги?

— Если они действительно у нее дома, почему бы и нет?

— Кто знает, неизвестно же, что ей Сергей Михайлович сказал.

— Люсь, я ей не посторонняя.

Анна Васильевна подтвердила, что сын действительно неоднократно привозил ей какие-то документы.

– Что-то привозил, что-то забирал. Я не вникала в суть, ни к чему мне это. Сережа сказал, дома бумаги держать опасно.

– Ба, а где ты их держишь?

– Он на антресоль все складывал, в коробку.

– Анна Васильевна, можно нам посмотреть, что находится в коробке? – Люська переглянулась с Дашкой.

– Это важно, ба, – сказала та.

– Девчонки, так нет больше бумаг. Украли их.

– Как украли?!

– На следующий день после случившегося украли. Зашла в квартиру, тут все вверх дном: белье по полу разбросано, матрасы с подушками вспороты, даже банки с крупами не пощадил, вся кухня в гречке с рисом была. У меня первая мысль – за документами Сережиными приходили. Схватила стул, открыла антресоль, так и есть – коробка пустая.

– Вы сообщили в полицию?

– Нет, – замотала головой Анна Васильевна.

– Почему?

– Боязно было.

– Чего ты испугалась, ба?

– Сама не знаю. Да и что я сказать им могла: пропало то, чего я сама в глаза не видела? Не пошла я в отделение.

– Зря, Анна Васильевна.

– Остался только конверт у меня.

– Что за конверт?

– Сергей ночью привез. Торопился он очень, впопыхах протянул конверт, сказал, чтобы положила куда-нибудь. Я его в альбом с фотографиями засунула. Альбом не тронули.

– Ба, принеси его. Пожалуйста.

– Сейчас, девчонки.

Минуты через две Анна Васильевна вернулась с альбомом.

– Конверт внутри.

– Ты смотрела, что в конверте?

– Даже не заглядывала. Зачем? Положила и забыла о нем.

Люська судорожно листала страницы.

– Дашка, есть!

– Открывай.

Чувствуя себя гончей, напавшей на след, Люська достала из большого конверта несколько фотографий.

На цветных снимках были изображены золотые яйца, инкрустированные крупными драгоценными камнями.

– Ничего себе яички!

– Впечатляет.

– Думаешь, камни настоящие?

– Трудно сказать.

– Никогда не видела таких крупных бриллиантов. Этот карат на двадцать пять потянет, а может, на все тридцать.

– Что там еще, Люсь?

– Листок с адресами, старые вырезки из газет, записи Сергея Михайловича.

Люська развернула сложенную вчетверо газетную статью со следующим заголовком: «Убийство коллекционера».

– Здесь говорится о Станиславе Верещагине. Мне о нем рассказывала Алена Леонидовна.

– Не понимаю, почему папа не мог хранить конверт дома? По-моему, среди этих бумаг и фотографий нет ничего секретного.

– Может, адреса?

– Адреса можно запомнить, а бумажку сжечь.

– В конверте были и другие бумаги, – сказала Анна Васильевна. – Сережа забрал их пару недель назад.

– Ясно. Это многое объясняет. Анна Васильевна, мы можем забрать конверт?

Анна Васильевна колебалась.

– Зачем он вам?

– Ба, надо.

– Что надо, перепишите, а сами бумаги пусть у меня останутся. Так и мне спокойнее будет.

– Хорошо, мы так и сделаем, – Люська достала тетрадь и ручку.

Переписав адреса и фамилии записей Сергея Михайловича, Люська попросила разрешения взять пару фотографий драгоценных яиц.

Анна Васильевна разрешила.

Дома, показав мне фотки и записи, Люська сказала:

– Глеб, надо узнать, кто эти люди.

– Надо, – согласился я.

– И чем быстрее, тем лучше.

Я взял тетрадь.

– Переверзев Андрей Владимирович. Ли-
сицын Олег Федорович. Енгальчев Максим
Ильич. Интересно, кто они и какое отношение
имеют к Сергею Михайловичу?

– Или он к ним.

– Все практически ровесники, живут, прав-
да, в разных концах Москвы.

– Ничего. Мы разделимся. Главное, есть
адреса, остальное дело техники.

– Кстати, о технике. Жмурик перегрыз про-
вод от принтера.

– Как он умудрился?

– У него спроси.

– И что теперь?

– Поедешь за новым.

– Почему я?

– Не я притащил в дом щенка.

Люська встала.

– Ладно. Завтра после школы смотаюсь. Где Жму-
рик?

– Спит в твоей комнате.

– Маленький вредитель, – Люська вышла, я сно-
ва начал разглядывать фотки с золотыми яйцами.

Вечером я зашел к Люське. Она сидела за ноутбуком. Как обычно, зависала на Фейсбуке.

– Люсь, поговорить надо.

– Давай поговорим.

– От ноутбука отлипни.

– Уже, – Люська закрыла окно и повернулась ко мне: – Все.

– Тебе не показалось странным, что в квартире Анны Васильевны устроили обыск?

– Вроде все логично. Сначала стреляли в Филатова, потом решили прибрать к рукам компромат, который он собирал.

– Я не о том. Откуда они вообще узнали, что Сергей Михайлович хранил компромат у матери?

Люська задумалась.

– М-да, ты прав, мне это в голову не пришло.

– Причем замечь, в квартире Филатовых обыска не было.

– Выходит, преступник изначально знал, что бумаги хранятся в другом месте.

– Определенно.

– Глеб, но тогда получается... – Люська схватила со стола надкусанный шоколадный батончик. – Получается, преступник был очень хорошо осведомлен о делах Филатова. Мне о документах сказала Алена Леонидовна, наверняка ей Сергей Михайлович сказал об этом по секрету. Как другие-то узнали?

– Хороший вопрос.

– Дашке ничего не известно.

– Естественно, с какой стати он стал бы посвящать в свои дела дочь?

– А жену?

Я пожал плечами.

– Возможно, Татьяна Андреевна знала.

– Скорее всего, знала. И что мы имеем? Петрищева, Татьяна Андреевна и Анна Васильевна.

– Не густо.

– Никто из этих людей не мог слить информацию. Или я не права? – Люська выжидающе смотрела на меня.

– Мать отметаем сразу.

– Согласна.

– Жену, – я прошелся по комнате. – Блин, Люсь, трудно сказать. Теоретически инфу слить могла и Татьяна Андреевна, и Алена.

– Ого! Раньше ты так не думал.

– Теперь многое изменилось. Все указывает на то, что стрелял в Филатова приближенный к нему человек. Тот, которому Сергей Михайлович доверял. Понимаешь теперь?

Люська кивнула. Я посмотрел на часы.

– Одиннадцать. Не хочешь прогуляться по парку или по набережной?

– Не-е, иди один.

– Я возьму Жмурика.

Услышав свою кличку, Жмурик вскочил с подстилки и завилял хвостом.

– Неси поводок, гулять пойдем.

– Ага, – засмеялась Люська. – Сейчас он тебе и поводок, и кроссовки принесет. Слишком многого хочешь.

– Я Алиске позвоню, вместе погуляем.

– Глеб...

– Да.

– Подожди, – Люська зачем-то взяла у меня из рук телефон и кивнула на кресло: – Сядь.

Я сел.

– Глеб, хотела тебя спросить: что у тебя с Яной?

– Ничего.

– Но вы... дружите?

– Дружим.

– Прекрати. Ты прекрасно понял, что я имела в виду. Она тебе нравится?

– Почему я должен отвечать?

– Потому что у тебя есть девушка – Алиса. Или ты решил с ней порвать?

– Ничего я не решал. Сама знаешь, Алиска пропадает в школе актерского мастерства. Мы редко видимся.

– А Яна типа алисказаменителя, да?

– К чему ты завела этот разговор?

– Просто хотела узнать, что у вас происходит.

– С Яной или Алиской?

– И там, и там, – уклончиво ответила Люська.

Я усмехнулся и взял телефон. Через минуту от мамы Алисы узнал, что она уже спит.

– Облом, – сказал я Люське. – Алиска спит. Люська почему-то отвернулась.

На улице я хотел зарулить в парк, но Жмурик упорно тянул меня на набережную. Там он начал облаивать редких прохожих, за что получил от меня нагоняй. Притихнув и поджав хвост, Жмурик плелся рядом, изредка бросая на меня недовольные взгляды.

Впереди я увидел два силуэта, нам навстречу шла пара: парень с девушкой. Они держались за руки, о чем-то разговаривали и негромко посмеивались. Когда расстояние между нами сократилось, я поднял голову и замер. Передо мной стояла Алиса. Она тоже увидела меня, тоже замерла от неожиданности, быстро спрятав руки за спину.

У меня было ощущение, что я только-только вышел на берег из ледяной воды. Со всех сторон дует холодный ветер, меня трясет в ознобе, но я не спешу одеваться, продолжая стоять, словно загипнотизированный. Перед глазами мелькало смущенное лицо Алисы.

– Привет, – смог выдавить я, ощутив, как Жмурик натянул поводок.

– Привет, Глеб, – голос Алиски дрожал, было заметно, что она сильно нервничает.

Жмурик загавкал. Я приказал ему заткнуться.

– Глеб, познакомься, это Артем.

Парень улыбнулся и протянул мне руку.

– Артем.

– Глеб, – мы обменялись рукопожатиями, и я снова уставился на Алису.

– Артем тоже ходит в школу актерского мастерства, сейчас мы играем в одном спектакле.

– Понимаю, – кивнул я, тогда как на самом деле ничего не понимал. Голова напоминала пустую бочку, в которой эхом отдавались слова Алиски.

– Играем главные роли, – сказал Артем.

– И что за спектакль?

– Ромео и Джульетта.

– Гм... Ты не говорила, что тебе дали роль Джульетты.

– Ты просто забыл.

– Не говорила, – повторил я.

– А почему мы стоим? – спросил Артем. – Алис, мы же хотели пойти в парк. Глеб, пойдешь с нами?

– Пошел бы, но вот он, – я кивнул на Жмурика, – не любит парки.

– Глеб... – Алиска едва не плакала.

– Что?

– Давай отойдем.

– Давай.

– Артем, подожди меня. Я скоро.

– Конечно.

Мы отошли и долго не могли заговорить друг с другом. Наконец я не выдержал.

— Звонил тебе пятнадцать минут назад. Твоя мама сказала, ты спишь.

Алиса молчала.

— Кто он?

— Ты о ком?

— Сама знаешь.

— Я же сказала, мы вместе играем в спектакле.

— Слышал. А если сказать всю правду? Почему твоя мать обманула меня? Раньше такого не было.

— Наверное, она не хотела... я не знаю... может быть...

— Перестань, Алиска, — я почему-то засмеялся, хотя смеяться совсем не хотелось.

— Мы просто гуляли.

— Верю.

— Я хотела тебе позвонить, но решила, что ты занят. Вы ведь занимаетесь расследованием.

— Вы... — усмехнулся я. — Раньше ты была с нами в одной команде.

— Школа актерского мастерства отбирает слишком много времени.

— А еще Артем.

— Глеб, не надо.

— Не надо что? И вообще, Алиска, расслабься. Видела бы ты сейчас свое лицо. Стремно выглядишь.

– Глеб...

– Слушай, мы пойдем, иначе Жмурик перегрызет поводок.

– Подожди, не уходи.

– Давай завтра созвонимся. Или на днях.

– Глеб...

– Вы хотели идти в парк, желаю удачи, – я потянул поводок, Жмурик покорно пошел за мной.

Поравнявшись с Артемом, я кивнул.

– Приятно было познакомиться.

– И мне, – улыбнулся он.

– Удачи, ребят! – крикнул я, и мы со Жмуриком перешли дорогу.

Между нами не раз возникали ссоры. Мы ругались, мирились, ревновали друг друга, выясняли отношения, но никогда я не испытывал того, что пришлось испытать сейчас. Страх. Страх, что настал конец нашим отношениям. Я всего лишь увидел Алиску с другим, но этого было достаточно, чтобы сделать правильные выводы.

Обвинять ее нельзя. У самого рыльце в пушку. Гулял с Яной, обнимал Яну, целовался с Яной. Вел себя как эгоист, знал ведь: если Алиска узнает, ей это причинит сильную боль. Знал и все равно продолжал испытывать судьбу. Испытал. Оба хороши.

Жмурик тявкнул, я остановился, вспомнив, как занервничала Люська, когда я собрался позвонить Алиске. Неужели о чем-то догадывалась? Или знала?

Развернувшись, я поспешил домой. Люська опять сидела за ноутбуком.

– Глеб, я нашла на Фейсбуке Павла. Прикинь, у него на страничке...

– Ты знала об Артеме? – спросил я, зайдя в комнату.

Люська начала быстро моргать.

– Знала или нет?

– Я... ну...

– Понятно. И как давно это у них?

– Глеб, все совсем не так, как кажется.

– Я видел их на набережной. Смотрятся неплохо, особенно когда держат друг друга за руку и смеются.

– Вы поругались?

– С какой стати? Пообщались и пожелали друг другу удачи. Так как давно ты в курсе?

– Мне Алиса рассказала о нем месяц назад.

– Что конкретно рассказала?

– Артем начал за ней ухаживать, приглашал на свидания. Алиска пришла ко мне посоветоваться...

– Ох ты! Даже так. Круто! У нее есть парень, а она пришла советоваться к его родной сестре. И что ты ей насоветовала? Чтобы она наставила мне рога?

– Зачем ты так?

– Все нормально. Я это переживу.

– Глеб, не надо выставять себя жертвой, вспомни про Яну.

– Получил что заслужил.

– Вам с Алиской надо встретиться и обо всем поговорить.

– Смысл?

– У тебя с Янкой несерьезно. У нее с Артемом тоже. Вы просто решили немного отдохнуть друг от друга. Сколько раз ты ее ревновал без повода...

– Теперь повод есть.

– Они просто гуляли по набережной.

– Держась за руки.

– И что?

– Ничего. Ладно, не будем об этом, – я наигранно рассмеялся. – Съел бы чего-нибудь вкусного с чаем.

– Есть кекс.

– Пойдет.

Люська прошла на кухню. Через десять минут она позвала меня пить чай.

– Глеб, ты в порядке?

– А то.

– Я же вижу, ты переживаешь.

– Ошибочное мнение.

– Должно пройти время, – Люська старалась не встречаться со мной взглядом.

– Да, время лечит.

Уже перед тем, как разойтись по комнатам, Люська вдруг сказала:

– Глеб, ты только не наделай глупостей.

– С моста я точно прыгать не стану.

– Вот и отлично.

– Конечно отлично, – хмыкнул я.

Пройдя к себе, сел на кровать, уставился в окно. На самом деле все было далеко не отлично, но так сложились обстоятельства. Это урок, один из первых уроков жизни. Наверное, именно с помощью таких уроков умные люди набираются жизненного опыта. Что ж, если я прав, то сегодня вечером мне удалось чуточку поумнеть.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Куда исчез Переверзев?

На физре я неудачно упал и потянул икроножную мышцу. Прихрамывая, дошел до скамьи. Боли как таковой не было, но чувствовался дискомфорт при ходьбе. Физрук отправил меня к медсестре. Идти к ней я не собирался, физра у нас последним уроком, поэтому рассчитывал доковылять до выхода и смыться. Не вышло. На первом этаже столкнулся с завучихой.

— Озеров, почему не на уроке?

— Ногу потянул.

— К медсестре.

— Я к ней и иду.

Штангенциркуль смотрела на меня до тех пор, пока я не дошел до медицинского кабинета и не открыл дверь.

Не знаю, как обстоят дела с медсестрами в других школах, но нам «повезло» основательно. На первый взгляд медсестра тетка нормаль-

ная, при условии, что встречаешь ее в школьном коридоре или на улице. Если же кого-то угораздило постучаться в медицинский кабинет – пиши пропало. Медсестра мгновенно причисляет любого к смертельно больным. К ней иногда удобно забегать, если позарез надо уйти из школы и нужна веская причина. Зайдешь, пожалуешься на боль в животе – и через пять минут, если медсестра не вызовет скорую, уже вышагиваешь домой «отлеживаться».

Разболелась у меня как-то голова. Не сильно, но ощутимо, а через урок – контра по физике. Решил забежать к медсестре попросить таблетку. Наивный. Прежде чем дать болеутоляющее, меня подвергли допросу с пристрастием.

– Где именно болит голова?

– Виски.

– Оба?

– Да.

– Боль резкая, тупая, острая, режущая, пульсирующая?

– Пульсирующая.

– При наклонах усиливается?

– Не знаю, не наклонялся.

– Мушки перед глазами мелькают?

– Нет.

– Голова кружится?

– Нет.

– Тебя тошнит?

– Да нет же, Тамара Петровна, мне бы таблетку.

– Подожди. Сядь, я измерю тебе давление.

Через десять минут, когда от суеты медсестры у меня уже болели не только виски, но и затылок, мне наконец удалось получить таблетку. Но Тамара Петровна настояла, чтобы я отправился домой. Более того, заявила, что меня должны проводить. «А вдруг», – сказала она, глядя на меня испуганными глазами. Уточнять, что значить ее «а вдруг», я не стал, отправился на урок и о головной боли забыл через пятнадцать минут.

У нас уже выработался рефлекс: когда у школьных ворот останавливается машина скорой, губы непроизвольно расплываются в улыбке. Кому-то сильно «повезло», Тамара Петровна себе не изменяет.

Зайдя сейчас в кабинет, я решил умолчать о травме.

Тамара Петровна насторожилась.

– Что случилось?

– Ничего. Сонька на физре палец поранила, можно у вас йод взять?

– Чем она поранила палец?

– Не знаю... вроде укололась.

– Кровь идет?

– Не сильно, но физрук за йодом отправил.

– Я должна осмотреть Соню.

Только не это.

– Тамара Петровна, с ней все о'кей, просто дайте мне йод.

– О чем ты говоришь, Глеб, может потребоваться срочная помощь. Пусть Соня идет сюда. Если ничего страшного нет, обработаю рану, если же все серьезно, она немедленно отправится в травмпункт. Хирург проведет осмотр, ей сделают укол от столбняка.

Е-мое, ну кто тянул меня за язык? Почему не сказал про ногу? Теперь Тамара не успокоится, пока я не приведу в кабинет Соньку. Блин, ну почему в самый неподходящий момент происходит редкостное гадство?

– Тамара Петровна, с Сонькой все в порядке. Я соврал. У меня нога немного побаливает, вроде икроножную мышцу потянул, физрук к вам направил.

– И в таком состоянии у тебя остаются силы на шутки?!

Ого! Вот это заявление. Какое, интересно, у меня состояние? Чувствую себя отлично, дискомфорт в ноге почти прошел, но Тамара Петровна смотрит на меня так, что невольно возникает мысль: «А не составить ли мне завещание?»

– Ложись на кушетку.

– Это лишнее.

– Ложись, не спорь.

Начался осмотр.

– Здесь болит, когда нажимаю?

– Нет.

– А здесь? – Тамара Петровна пристально следила за моей реакцией, словно догадываясь, что я могу соврать.

– Нигде не болит.

– Странно.

– Что в этом странного? – усмехнулся я.

– Так... Как же нам лучше поступить?

– Отпустите меня домой, я полежу, к вечеру все пройдет.

– Не уверена, – задумчиво ответила медсестра. – Не мешало бы на рентген тебя отправить.

– Может, сразу на ЭКГ? – пошутил я.

– У тебя сердце болит? – насторожилась Тамара Петровна.

– Нет.

– Садись, измерим давление.

– Тамара Петровна...

– А ногу будешь мазать мазью. Если к вечеру не пройдет, вызывай скорую.

Ага, обязательно. Еще скажи – реанимацию.

Не известно, до чего договорилась бы Тамара Петровна, если бы в кабинете не раздался робкий стук.

– Войдите.

Дверь открылась. На пороге мялся щупленький пятиклассник Борька.

– Проходи, садись. Что у тебя?

– В боку покалывает, – шмыгнул носом парень.

– В левом, в правом? – у Тамары Петровны загорелись глаза.

– В левом.

— Глеб, вот мазь. Сейчас иди домой, ложись и до вечера не вставай. Понял меня?

— А как же.

Пока я зашнуровывал кроссовку, Тамара Петровна начала пытаться Бориса.

— Тебя тошнит?

— Вроде нет.

— Сонливость есть?

— Вроде нет, — ответил парень и зевнул.

— Больно, когда приседаешь?

— Не знаю.

— Присядь.

Борька присел.

— Больно?

— Вроде нет.

— Тогда нагнись. А теперь?

— Больно.

— А боль какая: острая, режущая...

Я вышел из кабинета. То ли ей просто скучно, то ли она действительно такая стремная. А Борьке я не завидую. Сразу понял: тому захотелось сходить с уроков, он уже не раз проделывает такие фокусы. Борька — известный в школе приколист, его родители бывают в школе у завучихи или директора чаще, чем Борька бывает на уроках. В прошлом году на линейке ему доверили петь песню для первоклассников. До сих пор не врублюсь, кому в голову пришла мысль, чтобы пел именно Борька. И он спел. Правда, не совсем то, что нужно было

петь. Немного попутал слова. Вместо «Школа, школа, школа, здравствуй, дорогая», Борька, случайно или специально, спел «Школа, школа, школа, что ж ты не сгорела». Послышался смех. Завучиха была готова взорваться, казалось, сделает еще пару-тройку вдохов и взлетит. Но радости такой она никому не доставила. Отдышалась и сразу метнулась к Борькиным родителям.

Но сегодня Борька перегнул палку, с болью в левом боку Тамара Петровна просто так его не отпустит. Боюсь, минут через пятнадцать к школе подъедет машина скорой помощи.

Домой я не пошел. Сразу из школы стартанул к метро. В кармане лежал листок с адресом Андрея Владимировича Переверзева.

...Квартира была коммунальной, возле двери висело семь звонков. И ни одной фамилии, голые звонки. Я позвонил наугад – в самый верхний. Минуты две ничего не происходило, уже хотел нажать на соседний и услышал скрежет замка.

Хмурый мужчина, узнав, что мне нужен Переверзев, кивнул в глубь коридора.

– Третья дверь за поворотом, – сухо бросил он и скрылся.

Я пошел по бесконечному коридору. Он был завален всякой всячиной, ненужными вещами. Дойдя до первого поворота, я увидел три сломанных велосипеда, десяток пожелтевших связок газет, разобранную металлическую кровать, комод,

сумки с пустыми банками и бесчисленное количество тазов и кастрюль.

Свернув, увидел такой же длинный темный коридор. Возле третьей двери стоял маленький холодильник, на нем спала кошка.

Переверзева дома не было, я долго стучал, безрезультатно.

— Привет, — послышался сзади тоненький голосок.

Я обернулся.

— Привет.

Маленькая девочка улыбнулась.

— Я тебя узнала.

— Да? А я тебя нет.

— Не помнишь уже? Я Юля.

— Юля? А-а, точно, Юля. Как ты здесь оказалась?

— Мы тут живем с бабушкой.

— Она сейчас дома?

— Да.

— Проводи меня к ней.

Юля пошла по коридору, постоянно спотыкаясь о валявшиеся на полу вещи.

— Как у тебя дела? — спросил я.

— Хорошо.

— А заяц как поживает?

Юля остановилась.

— Его больше нет.

— Потеряла?

— Бабушка отняла.

— Почему?

— Сказала, пока он чистый и я не успела его загваздать, зайца можно продать.

На огромной кухне я увидел тетю Валю. Она узнала меня сразу. А услышав, что я приехал к Андрею Владимировичу, махнула рукой.

— Зря приехал, только время потратил.

— Он здесь больше не живет?

— Получается, что нет.

— Не в курсе, как его найти?

— Днем с огнем его теперь не сыщешь. Он у меня турку одолжил. На один день одолжил. Сказал, гости должны приехать, кофе варить не в чем. И все, с концами турка.

— Я не понял, а где Переверзев?

— Ушел и не вернулся, — ответила тетя Валя. — Где колобродит, не знаю и знать не хочу. Мне б турку обратно вернуть.

— Он давно здесь живет?

— Года за три до срока своего он к нам перебрался. Восемь лет сидел... Выходит, чуть больше десяти лет.

— Переверзев сидел?

— Восемь лет.

— А за что?

— За хранение наркотиков.

Интересный получается расклад.

— Когда он освободился?

– Весной.

По виду тети Вали я понял, что продолжать со мной разговор ей не хочется, пришлось идти в обход.

– Юля сказала, вы продали ее зайца.

– О! Уже наябедничала. Тебе бы доносы на людей писать, пакость маленькая. Уйди с глаз долой.

Юля вышла из кухни.

– Да, продала, – повысила голос тетя Валя. – Жить на что-то нам надо.

– Я вас понимаю, – врал я. – Вот, возьмите.

Протянув пятьсот рублей, я пояснил:

– Можете купить Юльке нового зайца.

Конечно, знал, что никакого зайца бабка внучке не купит, но очень надеялся, что пятисотка наладит между мной и тетей Валею контакт. Так и вышло. Убрав деньги в карман халата, тетя Валя предложила мне чай. Я согласился. И, решив сразу брать быка за рога, попросил рассказать об Андрее Переверзеве.

– Тебя что интересует?

– Вы уверены, что Переверзев сидел за хранение наркотиков?

– Конечно. Мне Ира рассказывала.

– Ира?

– Жена его. Сейчас они в разводе, но тогда хорошо жили. Дачка у них своя была. Андрей как раз с дачи возвращался, когда кутерьма заварилась. На повороте впечатался в грузовик, с водителем

завязалась потасовка, а когда патруль приехал, водитель грузовика сказал, что Переверзев ему пистолетом угрожал. У Андрея оружия отродясь не было, он сам дверцы распахнул – ищите, мол. Бардачок отрыли, а там пакетик с порошком. Потом выяснилось – наркотики. Переверзев клялся, что не его пакет, подбросили, но кто ж поверит. И завертелось-закрутилось. Следственный изолятор, суд, тюрьма, передачи...

Через два года Ира развелась с ним, уехала к матери в Псков. О ней ничего больше не слышала, да и о нем тоже. Весной только и увидела, как освободился. Изменился, конечно, жестче стал, оно и понятно – не на курорте прохлаждался.

– А гости, о которых вы говорили, кто они?

– Не видела я его гостей.

– Часто к нему приходили люди?

– Никто не приходил. Нет, вру, два раза приезжал мужик какой-то.

– Вы его хорошо запомнили?

– При встрече узнаю.

Я на пару минут вышел в коридор, позвонил Дашке.

– У тебя есть в телефоне фотка Сергея Михайловича?

– Должна быть.

– Вышли мне ее. Желательно поскорее.

На кухне я показал фотографию Филатова тете Вале.

– Посмотрите, это случайно не он?

– Он! – сразу сказала она. – Точно, он самый.

– Давно Переверзев не появляется дома?

– С месяц.

– А в полицию никто не пробовал обращаться?

– Скажешь тоже, кому он сдался? Андрей теперь человек свободный, где хочет, там и ходит.

– Он мог пропасть.

– Ага, еще скажи, украли его и выкуп будут требовать. Турку вот жалко. Хорошая была турка, почти новая.

На улице я позвонил Димону.

– Удалось поговорить с Енгальчевым?

– Нет.

– Не застал?

– Вечером расскажу. А ты как съездил, есть что-нибудь интересное?

– Вроде есть. Люське не звонил?

– Звонил, сказала, не может разговаривать. Ты дома когда будешь?

– Думаю, через час.

– Тогда до встречи.

– Пока.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

По одному сценарию

Люська приехала домой в начале девятого.

— Что так долго?

— Не моя вина, электричку отменили, на перроне больше часа проторчала. Димка здесь?

— Обещал к шести подойти, но у него ЧП. Они с отцом Марса в ветлечебницу повезли.

— А что с ним?

— Вроде траванулся.

— Глеб, включи чайник, пить очень хочу. По дороге забежала в супермаркет, пирожные купила.

— Лисицына видела?

— Нет.

— Черт! Что за невезуха? Мне с Переверзевым не удалось пересечься, Димону с Енгальчевым, теперь ты.

— На меня не наезжай. С Лисицыным вообще жесть. Сейчас расскажу. Только Димку давай дождемся.

Димон пришел, когда мы допивали чай.

– Как Марс?

– Желудок промыли, жить будет.

– Где он умудрился травануться?

– На улице съел что-то. О, у вас пирожные!

Люсь, и мне чаю.

– Ладно, все в сборе, – сказал я. – Говорю, как съездил к Переверзеву. В принципе, похвастаться нечем – Андрей Владимирович пропал.

Я пересказал услышанную от тети Вали историю.

– Ребят, это очень странно, – Люська отломала кусочек пирожного и дала его крутившемуся под ногами Жмурику.

– Не корми сладким.

– Кусочек маленький.

– Все равно. Так что там с Лисицыным?

– Живет он за городом, в небольшом поселке.

Я разговаривала с его матерью, и она рассказала мне довольно интересную историю.

– Люсь, семья у него была?

– Да. Жена и двое детей. Жили, по словам матери, неплохо, а потом... Ночью в квартиру нагрянули с ордером на обыск. Что конкретно искали, естественно, никто объяснять не соби-
рался. Перерыли всю квартиру, а потом выудили с антресолей... – Люська сощурила глаза. – Угадайте что?

– Не время играть в угадку.

– А я догадываюсь, – кивнул Димон. – Наркоту.

– В точку, Дим!

– Не может быть!.. – я был удивлен.

– Еще как может. Олег кричал, что это подстава, он никогда не имел дело с наркотиками, но улики были налицо.

За хранение наркотиков Олегу дали восемь с половиной лет лишения свободы.

– Переверзеву «повезло» больше, он отмотал всего восемь.

– Лисицын тоже отсидел около восьми лет. В конце января его освободили досрочно за примерное поведение. Домой он вернулся со сломанной психикой и подорванным здоровьем.

– Еще бы, столько лет отсидеть.

– Ребят, внимание, сейчас услышите самое важное. Дома Олег постоянно твердил о мести. Мать говорит, он день и ночь проклинал того, по чьей вине оказался за решеткой.

– Получается, знал, кто его подставил. Почему же Лисицын молчал раньше?

– Мать задавала ему тот же вопрос. Олег говорил, что не мог ничего сказать, просил мать прекратить допрос, требовал, чтобы она оставила его в покое. А однажды в запале выкрикнул, что вместе с журналистом Филатовым прижмет к стенке подонка, лишившего его на восемь лет свободы.

– Уже горячо.

– Горячее не бывает, Дим.

– Что еще мать сказала?

– В конце марта Олег Федорович ушел из дома, как он сказал матери, по важному делу. С тех пор Галина Антоновна его не видела. Спустя три дня, как полагается, написала заявление в полицию о пропаже человека. Обещали искать. Ищут.

– И что мы имеем? Два человека, с которыми был связан Сергей Михайлович, отмотали срок по одинаковым статьям, почти одновременно вышли на свободу и пропали без вести.

– Оба уверяли, что невиновны, наркотики им подбросили.

– Димон, что у тебя с Енгалычевым?

– Дома старая бабка, она мне даже дверь не открыла. Узнав, что интересуюсь Максимом Ильичом, отправила меня к его жене, она работает заведующей в магазине тканей. Помоторил я туда. Встретила она меня настороженно, даже враждебно. Но потом разговорилась.

– Димон, сразу скажи: Енгалычев тоже пропал?

– Пропал, Глебыч.

– Он сидел?

– Да.

– И здесь хранение наркотиков.

– На этот раз мимо, Глебыч.

– То есть?

– Енгалычева посадили за попытку убийства.

– Опа!

– Это что-то новенькое, – Люська снова бросила Жмурику кусочек пирожного.

– Максим Ильич уверял жену, что его оклеветали. У него была интрижка с манекенщицей, которая впоследствии и обвинила Енгалычева в попытке убийства. Там все запутано, фиг поймешь. У нее руки-ноги были переломаны, ребра, лицо – один сплошной синяк. А Енгалычев исчез. Его объявили в розыск. Дома он появился спустя два месяца. Жене рассказал, что потерял память. Очнулся у железнодорожных путей, одежда рваная, на руках запекшаяся кровь, в голове пустота. Вечером того же дня прибил к местным бомжам. Пока память к нему не вернулась, Енгалычев считал себя бродягой.

– Симулировал?

– Нет, Люсь. Все было подстроено. Енгалычева хотели посадить за решетку, я уверен, манекенщицу избил не он. Его жена считает, что сама встреча Максима Ильича и Лейлы, так звали девушку, была заранее кем-то спланирована. Шла игра по четкому сценарию. В определенный момент Лейла должна была быть избита, а Енгалычев обвинен в попытке убийства. Так и произошло. А временная амнезия вполне возможна. Максим Ильич говорил на суде,

что отключился после того, как выпил шампанского. Наверняка что-то подмешали, а когда он вырубился, отвезли за город и бросили возле путей. То, что у него случилась амнезия, я считаю случайностью.

– Она здорово сыграла на руку неизвестным, – согласился я.

– Для всех Енгалычев был преступником, который скрылся после совершения преступления.

– Но кто, ребят? Кто так сильно хотел насолить этой троице? Кому они помешали?

– Боюсь, ответ на этот вопрос знают только они сами.

– Ты не забывай про Филатова. Ему стала известна эта история, он собирал компромат, вышел на Енгалычева, Переверзева и Лисицына, он под кого-то копал. Причем копал он очень удачно. В результате чего и оказался в реанимации.

– Жена Енгалычева уверена, что за всем этим стоит влиятельный человек, имеющий связи в любой сфере деятельности – будь то медицина, правоохранительные органы, адвокаты.

– А с этой Лейлой никто не пытался поговорить?

– Она погибла через месяц после суда над Енгалычевым. Лежала в больнице, готовясь

к очередной операции на ноге, а умерла от внезапно начавшейся пневмонии.

– Все ниточки оборвались.

– Не все. Еще есть фотки драгоценных яиц и статья об убийстве Верещагина.

– Что нам это даст?

– Многое. Глеб, ты случайно не помнишь старикана по имени Денис Максимович? – спросила Люська.

– Искусствоведа?

– Он ювелир. Если найдем в записной книжке его телефон, можем съездить к старику, показать фотки. Как ювелир, он должен что-нибудь сказать.

– Люсь, Глебыч, вы о ком?

– Денис Максимович – хороший знакомый Дианы. Он раньше частенько у нее бывал. Правда, я несколько лет о нем ничего не слышала.

– Запросто мог умереть, – сказал я. – Возраст у него серьезный.

– И все-таки я поищу его телефон. Если повезет, то мы сможем к нему в ближайшее время.

В прихожей о себе напомнил Жмурик.

– Гулять?! – скривилась Люська. – Как не хочется. Глеб, будешь другом?

– Нет. Это твоя собака.

– Надо будет как-то пристроить его в добрые руки.

– Ты серьезно?

– Пока сама не знаю, – усмехнулась Люська. – Но мое терпение лопается. Жмурик, гулять. Зачем я его домой притащила? Глеб, ты виноват. Надо было мне запретить! Гулять, Жмурик, гулять!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Билеты в театр

Я встретил Яну по дороге в школу.

— Янка, когда вижу, что ты идешь в школу раньше обычного, начинаю волноваться.

— А мне нравится, когда ты волнуешься, ты сразу становишься таким заботливым.

— И опять у тебя в руках таинственный пакет, — я улыбнулся, указав кивком. — Не первый раз, Ян. Может, уже признаешься, зачем ты Штангенциркулю цветы носишь?

— Кто тебе сказал?

— Никто, сам догадался.

— Не ври. Говори, откуда про цветы узнал?

— Видел, как ты в учительскую заходила с букетом.

— Если ты все знаешь, тогда пошли быстрее, Алла скоро придет, надо цветы положить на стол Клары до появления в учительской учителей.

— Для чего, Ян?

- Считай это моей маленькой мстью.
- Мстью?! Хм, оригинально ты мстишь.
- Как умею.
- Слушай, я реально не догоняю, в чем смысл?

Один такой букет стоит нормальных денег.

– Приходится разоряться, но оно того стоит.
Поверь, Глеб.

– План наверняка коварный, не терпится о нем услышать.

Яна засмеялась и прибавила шаг.

– Что можешь сказать о нашем новом информатике? – спросила она.

– Ничего. Обычный ботан.

– Для учеников да, но не для учителей. Во всяком случае не для всех. Я скажу, ты только не падай, Клара запала на информатика.

– Гонишь!

– Могу чем угодно поклясться.

– Все равно не поверю. Она не способна на чувства.

– Глеб, он ей симпатизирует. Это точно. Я сама слышала ее разговор с директрисой. Клара ясно дала той понять, что информатик интересный человек и видный мужчина.

– Видный? – я не смог сдержать смех.

– Для Клары – да.

– Жесть.

– Капец полный, но не забывай, что и Штангенциркуль не Василиса Прекрасная.

– Она больше на царевну-лягушку смахивает.

– Обрати внимание, как она смотрит на него: глазами пожирает. А расписание, Глеб! Она же перекроила его под информатика. У него самое удачное расписание. Я была свидетельницей, как алгебруха с химозой возмущались, у них сплошные окна, а у информатика все в шоколаде. А расписание у нас Штангенциркуль составляет.

– Все равно, Ян, не врубаюсь, для чего цветы?

– Штангенциркуль к информатику никогда первой не подкатит. Согласен?

– Допустим.

– Не допустим, а не подкатит. На это мой план и рассчитан. Клара получает цветы от неизвестного, а каждый букет сопровождается краткой запиской. Намек довольно явный. Если она не дура, то сразу догадалась, кто оставляет на ее столе цветы.

– И что было в первой записке?

Яна нахмурила лоб.

– Дословно не помню, но что-то типа: «Спасибо за удачные уроки».

– Бред, Янка. Клара наверняка уже переговорила с информатиком и узнала, что он здесь ни при чем.

– Нет, Глеб, – Яна достала айфон. – У меня все под контролем. Раз в два дня отправляю Штангенциркулю невинные эсэмэски от неизвестного.

– Со своего номера?

– И что? Она не догадывается, чей это номер. Точнее, Штангенциркуль уверена, что это номер информатика. Не веришь? Тогда читай.

Яна начала что-то искать, потом протянула мне айфон.

– Это вчерашнее. Днем я написала Штангенциркулю: «Восхищаюсь вашим профессионализмом». До вечера она молчала, а в восемь часов впервые решила ответить на эсэмэс. Знаешь, что написала? «Спасибо, Евгений Витальевич». Ну? Теперь что скажешь?

– С огнем играешь, Янка.

– Я не боюсь обжечься.

– В конечном счете чего ты добиваешься? Свести их хочешь?

– Она ему сто лет не нужна, у него есть гражданская жена, о которой никто не подозревает.

– А ты, как всегда, в курсе.

– Разве я виновата, что информатик живет в соседнем подъезде? Вижу его постоянно с женщиной.

– Не совсем это правильно, Янка.

– Я не ослышалась, Глеб?

– Штангенциркуль, конечно, заслуживает, чтобы ее поставили на место, но по-моему, ты выбрала не тот способ.

– Ты меня удивляешь.

– Обман рано или поздно раскроется.

– Каким образом?

– Долго это продолжаться не сможет по-любому.

– Посмотрим.

– Ян.

– Что?

– Давай ты забудешь про месть Штангенциркулю и обратишь все внимание на меня, а?

– Звучит заманчиво, но свой план я доведу до конца.

– А как же я?

– На тебя у меня тоже хватит времени, не переживай. Кстати, чем в субботу занимаешься?

– Есть предложения?

– Да. Ты давно был в зоопарке?

– Дай вспомнить. Ммм... Лет шесть точно там не появлялся.

– Давай съездим в выходные. Можем Люсю с Димкой пригласить.

Мы поднялись на крыльцо, прошли мимо охранника, а у самой лестнице Яна передала мне свою сумку.

– Отнеси наверх, я с букетом разберусь и поднимусь.

– Ян, зря это все.

– Уже слышала. Не начинай, – держа в руке пакет, Яна спешно поднялась на второй этаж.

Клара Степановна заполняла журнал, когда в учительскую вошла Нина Владимировна.

Молча она подошла к своему столу, села, открыла общую тетрадь.

– Нина Владимировна, хочу вас обрадовать, – сказала завучиха. – Мне удалось найти человека на ваше место. Анна Анатольевна говорила, вы переживали, что старшеклассники останутся без учителя русского языка и литературы. Теперь вы можете спать спокойно.

– Я рада, Клара Степановна, что все разрешилось наилучшим образом.

Штангенциркуль скривила губы в ухмылке.

– Остается надеяться, что вы пойдете до конца. Насколько мне известно, однажды ваше заявление по собственному желанию уже попадало на стол директора. Помнится, через пару дней вы передумали.

– Не волнуйтесь, на этот раз все будет иначе.

– Увидим.

– Вам известно, что я ухожу из школы не по собственному желанию, меня вынуждают... Вынудили.

– Не надо драматизировать, никто вас не вынуждал.

– Я сказала лишь то, что думаю.

Штангенциркуль не отреагировала.

– Какие красивые лилии, – сказала Нина Владимировна, заметив на столе завучихи букет. – Откуда они?

– Полагаю, из магазина.

– Я имела в виду другое. Кто вам подарил такой букет?

– А вы полагали, на меня только жалобы писать могут?

В учительской появился информатик. Клара Степановна выпрямилась, уголки губ произвольно поползли вверх, в глазах появился отсутствовавший ранее блеск. Едва заметно завучиха подвинула на край стола два билета в театр.

Информатик это заметил, остановился.

– Идете в театр, Клара Степановна? – спросил он.

Бегло взглянув на Нину Владимировну, Штангенциркуль улыбнулась.

– Иду.

Информатик сел за стол, Клара Степановна кивнула своим мыслям и вновь занялась журналом. Она не сомневалась, что билеты на ее столе оставил Евгений Витальевич. Не зря он сейчас поинтересовался, идет она в театр или нет. Он не мог спросить напрямую, но она все поняла и дала согласие.

В учительскую постучали, вошла Соня Яковлева. Она подошла к завучихе.

– Клара Степановна, у нас будет алгебра?

– Нет, Ирина Львовна болеет.

– Соня, предупреди ребят, что вместо алгебры мы проведем классный час, – сказала Нина Владимировна.

Сонька увидела билеты.

– Ой, вы их купили?

Штангенциркуль быстро посмотрела на информатика.

– Почему ты спрашиваешь?

– Я сама хотела купить их у Аллы, думала, мы с бабушкой сходим на спектакль. Но бабушка плохо себя чувствует.

– Подожди, Соня. Что значит ты хотела их купить?

– Вам же Алла продала билеты?

– Нет.

– Нет? Странно. Утром Алла сказала, что у нее есть два билета в театр. Она сама пойти не сможет, предлагала купить.

– Ты что-то путаешь, Яковлева, – Штангенциркуль отбросила ручку.

– Ну как же, – Соня взяла билет, – все правильно. «На всякого мудреца довольно простоты».

Клара Степановна встала и вышла из учительской. В приемной она положила на стол билеты.

– Это ваши?

Алла кивнула.

– Мои. Точнее, уже не мои. У меня их купили. Представляете, хотели с мужем пойти в театр, а он в последний момент...

– Кто купил у вас билеты?

– Яна Авдеева.

– Когда это было?

– На второй перемене.

Сначала Янка не сознавалась, но Штангенциркуль имеет поразительную способность – любыми способами добиваться своего. У Яны не оставалось выбора, пришлось признаться, что билеты у Аллы купила она, после чего положила на стол завуча.

– Для чего, Авдеева?

– Просто так.

– Какова была твоя цель?

Яна пожала плечами.

– Я не сделала ничего противозаконного. А билеты... хотела сделать вам подарок. Вам ведь есть с кем пойти в театр?! – Яна с вызовом посмотрела на завучиху.

Зазвонил телефон. Штангенциркуль сняла трубку. Минуту спустя ее лицо приобрело бордовый оттенок.

– Можешь идти, Авдеева.

Яна ушла. В коридоре Клара Степановна встретила информатика. Не глядя на него, она выдавила:

– Евгений Витальевич, звонила ваша... жена. У вас отключен телефон, она просила срочно позвонить домой.

– Благодарю, – закивал информатик.

– А на будущее передайте жене, что школа – это школа. Решать свои личные вопросы в рабочее время по меньшей мере недопустимо.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Пасхальные яйца

В четверг сразу после шестого урока мы с Люськой поехали к ювелиру.

Денис Максимович, увидев нас на пороге, заулыбался.

— Глеб, Люся, ваш визит для меня полная неожиданность.

— Здравствуйте, Денис Максимович.

— Каким ветром вас ко мне занесло? Что-нибудь случилось? С Дианой?

— С Дианой все в порядке, — поспешил я заверить старика. — Она сейчас на гастролях.

— Был недавно на ее спектакле. Как она играла! Помню, в семьдесят третьем году...

— Денис Максимович, можно нам войти? — спросила Люська.

— Конечно-конечно, проходите. Старый дурак, держу вас в дверях. А как вы вымахали-то! Последний раз я видел вас года три назад.

Время не стоит на месте. Ну проходите, проходите.

На кухне Денис Максимович спросил:

– Вы просто так приехали, старика навестить, или дело у вас какое?

Я смутился, щек Люськи тоже коснулся румянец.

– У нас к вам дело, – прошептала она.

– Дело – это хорошо.

– В срочном порядке требуется ваша консультация. Вся надежда на вас, больше обратиться не к кому.

– Чем смогу – помогу, ребятки. Сейчас я чайку организую. Только чем мне вас угостить? Не обидитесь, если попьем чай с цукатами? Шоколадные конфеты были, но два дня назад закончились, – Денис Максимович смутился. – Ко мне соседка заходила, она сладкое любит, все мои запасы опустошила.

– Можно вообще обойтись без чая.

– Не угостить гостя чаем – навлечь на дом беду! Я суеверный. Однажды ко мне без звонка нагрянула знакомая, а в холодильнике, как назло, мышь повесилась. Хотел сбегать в магазин, знакомая отговорила, пришлось довольствоваться пустым чаем, а потом...

– Что?

– Не знаю, стечение обстоятельств или что... но через неделю сынок мой умер.

– Кошмар! – Люська вытаращила глаза.

Я тоже был сильно удивлен. Мне казалось, у Дениса Максимовича никогда не было детей, во всяком случае, Диана, затрагивая в разговоре старика, всегда называла его бездетным.

– А что случилось с вашим сыном, почему он умер?

– Сам гадаю. Мафусаил никогда не жаловался на здоровье, был бодрый и вдруг не проснулся.

– Мафусаил?! Вашего сына звали Мафусаилом?

– Это имя придумала жена. Я сам хотел назвать его по-простому: Барсыком или Пушком. Но Тося настояла на своем варианте. Спорщица она у меня была, хлебом не корми, дай только с кем-нибудь поспорить.

– Подождите, Денис Максимович. Мафусаил – это кто?

– Кот мой.

Люська громко выдохнула, улыбнулась и встретила со мной взглядом.

– Я думала, вы имели в виду настоящего сына.

– Своих детей у нас не было. В основном кошки, но бывало, и собак держали. А Мафусаилу двадцать семь лет было, когда он умер. Так-то вот!

– Называется, был бодр и весел, – прошептала мне на ухо Люська, когда Денис Максимович

вышел из кухни. — Блин, коту было двадцать семь лет, его на том свете уже с фонарями искали, а он здесь сухой корм трескал.

— Слушай, тебе не кажется, что Денис уже немного того?

— В маразме?

— Не совсем в маразме, но близок к этому.

— Возможно, ты прав. Думаешь, зря приехали?

— Не знаю, посмотрим сейчас.

Вернувшись, Денис Максимович начал интересоваться нашими делами, задавал вопросы, через пару минут забывал наши ответы, снова задавал те же вопросы. Так продолжалось минут пятнадцать. Наконец, не выдержав очередного вопроса «А как дела в школе?», Люська сказала:

— Денис Максимович, нужен ваш опытный взгляд ювелира.

Старик оживился. Мне показалось, последний раз он слышал похожую фразу лет двадцать назад. Денис Максимович выпрямился, расправил плечи, у него заблестели глаза. Было видно, Люська сильно польстила его самолюбию.

— Так-так, а поконкретней можно узнать?

— Можно и поконкретней, — Люська извлекла из сумочки фотографии. — Посмотрите, пожалуйста, и скажите, что это может быть?

— Я очки должен взять. Сейчас, минутку подождите. Я быстро.

Денис Максимович вышел. Прошло минут пять, старик не возвращался.

– Глеб, – Люська толкнула меня в бок.

– Чего?

– Как думаешь, он жив?

Я усмехнулся.

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Я серьезно. Сколько можно за очками ходить? – Люська встала и вышла в коридор. – Денис Максимович, вы где?

– Здесь я, здесь. Очки искал. Иду.

– Очки он искал, – буркнула Люська, сев на стул. – Хоть бы с памятью был порядок.

Минуту спустя, нацепив на нос очки, Денис Максимович поднес снимки ближе к лицу и покачнулся.

– Глазам не верю! Пасхальные яйца.

– Камни настоящие?

– Самые что ни на есть настоящие! – скороговоркой проговорил ювелир. – Можете даже не сомневаться.

– Вам про них что-нибудь известно?

– Нам нужно знать абсолютно все, что связано с этими яйцами, – сказал я.

– Ребятки, откуда у вас фотографии?

Мы молчали.

– Я должен знать.

– В школе делаем доклад, – нашлась Люська. – А фотки нам дала училка. Вроде она их с инета скачала и распечатала.

– Быть такого не может, – повторил Денис Максимович. – Пасхальные яйца!

Занервничав, Денис Максимович предложил перейти в большую комнату. И как только мы уселись на мягком диване, старик сказал:

– Пасхальные яйца – это шедевр итальянского ювелира Франциска Миладжо. Слышали о таком?

– Нет, не приходилось, – ответил я.

– А я вроде слышала, – ляпнула Люська.

– Не гони, – прошептал я сестре.

– Франциск Миладжо жил в восемнадцатом веке.

– Денис Максимович, вы ничего не путаете?

– Как можно? Как можно, Люся! Скажу вам намного больше, ребятки, я собственными глазами видел эти пасхальные яйца.

– Где вы их видели?

– У Станислава Верещагина.

– Вы знаете Верещагина?

– Знал. К сожалению, его уже нет в живых. Я кивнул.

– Мы в курсе.

– Вот как?

– Верещагина убили.

– Убили, – прошептал Денис Максимович. – Убили зверски. Мучительная смерть для человека, который за всю жизнь мухи не обидел.

– Денис Максимович, расскажите нам все, что вам известно про пасхальные яйца и про Станислава Верещагина.

— Рассказать-то можно, но только... даже не знаю, что-то нехорошо мне, ребятки.

— Сердце?

— Водички бы мне.

Мы выбежали из комнаты. На кухне я схватил чашку.

— Только бы он не умер, Глеб.

— Не каркай.

Люська открыла холодильник.

— Нашла время. Ты чего, есть собралась?

— Ага, хочу себе яичницу пожарить.

— Люсь!

— Не ори, — Люська взяла с полочки флакон с сердечными каплями. — Накапай капель тридцать.

Выпив воды, Денис Максимович снова начал рассматривать фотографии.

— Вам лучше?

— Немного. Спасибо.

Повисла пауза. Старик разглядывал снимки, мы ждали. Наконец Денис Максимович погрузился в воспоминания...

...Денису было двадцать три года, когда в сорок пятом советские войска вступили на территорию Германии. Денис Максимович помнит те времена намного лучше, чем новости вчерашнего дня. Вряд ли можно забыть события семидесятилетней давности, если ты сам оказался в их гуще. После победы Германия наводнилась

советскими и американскими войсками. Главным достижением была победа над фашизмом.

Американские самолеты, под завязку забитые произведениями искусства, золотом, мехами и прочими материальными ценностями, пересекали океан. В городах выстраивались громадные очереди в обменные пункты. Люди, держа в руках ценные вещи, обменивали их на сигареты, крупы и консервы. На черных рынках за пачку сигарет просили пятнадцать марок, приходилось жертвовать всем, ведь, как известно, курить и кушать хочется всегда.

Именно в тот период американский генерал Джейсон Ричардсон стал обладателем десяти пасхальных яиц.

В семьдесят третьем генерал скончался, а его сын, законченный пьяница и дебошир, человек далекий от искусства и коллекционирования, решил избавиться от коллекции отца. В течение года все ценные вещи были распроданы за гроши. Что же касается работ Франциска Миладжо, то пять яиц приобрел француз Пьер Соваль.

Теперь стоит сделать маленькое отступление и поговорить о Станиславе Верещагине.

Известный коллекционер с самого рождения жил в Париже. Родители эмигрировали во Францию в десятых годах прошлого века, как раз перед самым началом известных беспорядков и переворотов. В середине восьмидесятых годов

Верещагин стал обладателем пяти пасхальных яиц Франсиска Миладжо. Не известно, как сложилась бы судьба Станислава Германовича, не изъяви он желания вернуться в Россию. На восьмом десятке Верещагина внезапно потянуло на родную землю. Ни разу не бывавший в России Станислав Германович захотел умереть на родине предков. В начале двухтысячных он затеял хлопоты с переездом. В две тысячи четвертом году коллекционер поселился в Москве в двухкомнатной квартире.

Именно тогда судьба столкнула его с Денисом Максимовичем. Пожилые люди сразу нашли общий язык и при частых встречах не испытывали дефицита тем для разговоров. Помешанный на драгоценностях Станислав Германович взахлеб пересказывал Денису Максимовичу истории появления в его коллекции бесценных пасхальных яиц.

Позже выяснилось, что, кроме инкрустированных драгоценными камнями пасхальных яиц, в коллекции Станислава Германовича не было ни одной ценной вещи. В последние годы жизни в Париже материальное положение Верещагина ухудшалось день ото дня. Старик был вынужден расставаться с нажитыми годами сокровищами, чтобы обеспечить себе сносное существование. Оставшиеся украшения были проданы уже в Москве, на вырученные деньги

Верещагин купил квартиру. По сути, пасхальные яйца являлись единственным напоминанием о когда-то богатой ювелирной коллекции.

Незадолго до убийства Станислав Германович позвонил Денису Максимовичу и попросил срочно приехать.

Как только ювелир оказался в прихожей, Верещагин заголосил:

– Денис, мне кажется, на меня объявлена охота.

– В каком смысле?

– И в прямом, и в переносном. Вчера мне снова звонили неизвестные, угрожали расправой. Требовали, чтобы я продал им пасхальные яйца. Звонки с просьбами и угрозами поступают от них регулярно.

Почесав затылок, Денис Максимович предложил, как ему тогда казалось, наиболее подходящий в сложившейся ситуации вариант.

– А ты никогда не задумывался отдать яйца в музей?

Верещагин замотал головой.

– И слышать не хочу! Они последнее, что у меня осталось из всей коллекции, не может быть и речи, чтобы работы Миладжо пылились в каком-нибудь хранилище.

– Но тебе ведь известно, каким образом они перекочевали к американскому генералу.

– Ни слова больше! Меня это совсем не касается. Пусть он добыл их нечестным путем,

но я-то отдал за них огромные деньги! С какой стати мне добровольно с ними расставаться?

– Тогда обратиться в полицию.

– Пустое! Ваша полиция вся куплена. С потрохами!

– Так что ты предлагаешь?

– Не знаю, Денис, но мне совсем не улыбается перспектива отправиться на тот свет, получив пулю в затылок. Эти люди не успокоятся, они поставили себе цель во что бы то ни стало завладеть моими... слышишь, я подчеркиваю – моими пасхальными яйцами.

– У тебя есть подозрения, кто может донимать звонками?

– Есть. До сих пор не могу взять в толк, как он узнал про драгоценности. Полгода назад явился ко мне домой представительный мужчина и со слащавой улыбкой попросил продать яйца. Разумеется, я ему отказал. Тогда он пообещал вернуться и, как мне было сказано, поговорить со мной более понятным языком. Больше мы с ним не встречались, зато начались бесконечные звонки с угрозами. Звонят днем и ночью, один и тот же голос требует прекратить кочевряжиться.

– Да, дела. Положение серьезное.

– Пришлось установить в квартире сигнализацию, но на нее мало надежды, месяц назад соседей снизу обокрали. Сигнализация не спасла, вынесли даже детские вещи. Денис, что делать, как быть?

Денис Максимович пожал плечами.

– Слушай, Денис, – осенило Верещагина. – А может, мы сделаем некую рокировку? Что если ты на время заберешь яйца к себе?

– Ты с ума сошел?! Я даже боюсь к ним прирагиваться. Не дай бог что случится, я тогда вовек с тобой не расплачусь.

– Но это единственный выход.

Денис Максимович ответил категорическим отказом.

– Не обижайся, Стас, но в этом деле я тебе не помощник.

Верещагин обиделся, около двух месяцев пенсионеры не общались, а однажды ночью Денис Максимович услышал в трубке взволнованный голос Станислава Германовича:

– У меня хорошие новости, я нашел покупателя для своих пасхальных яиц.

Спросонья Денис Максимович не сразу понял, о чем речь. Помнится, Верещагин наотрез отказывался расставаться с яйцами – и вдруг такой неожиданный поворот.

– Мне предложили огромную сумму, отказываться бессмысленно, – тараторил Станислав Германович. – А если честно, порядком надоело ежесекундно трястись за жизнь.

Пообещав днем приехать, Денис Максимович спокойно уснул. А утром из новостей узнал об убийстве Станислава Германовича Верещагина.

– Понимаете, ребятки, – сказал Денис Максимович, сняв очки. – Станислава убили ночью. Скорее всего, сразу после его звонка. Я до сих пор мучаюсь в догадках, кто был тем загадочным покупателем. Возможно, он и является убийцей, а может, это дело рук того представительного мужчины, угрожавшего Стасу расправой. Преступников не нашли, вместе с ними пропали и пасхальные яйца. За прошедшие десять лет я впервые их вижу. Пусть даже на фотографии.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Возвращение с того света

— И что нам дал этот рассказ? — спросила Люська, когда мы оказались на улице.

— Ты еще не поняла?

— Нет.

— Напряги извилины.

— Глеб, только давай без этих твоих штучек. Может, ты у нас и гений, а я пока не врубаюсь, каким образом события столетней давности могут оправдать Татьяну Андреевну.

— Люсь, Верещагина убили несколько лет назад.

— Я это знаю.

— Через какое-то время Енгалычев, Лисицын и Переверзев попали на зону.

— Не вижу связи.

— Люсь!

— Ну что? Что я должна сказать, Глеб?

– Тебе не приходила в голову мысль, что они прямо или косвенно замешаны в убийстве Станислава Германовича?

Люська остановилась.

– Постой, хочешь сказать...

– Да, – кивнул я. – Ты угадала.

– Нет, Глеб. Этого не может быть! Во-первых, Лисицын и Переверзев сидели за наркотики, во-вторых...

– Стоп! Не забывай, их осудили за хранение наркотиков. Но это совсем не означает, что они имели к ним отношение.

Люська хотела возразить, но у нее зазвонил телефон.

– Это Димка, – сказала она минуту спустя. – Говорит, надо срочно увидеться.

– Что у него?

– Понятия не имею, но голос тревожный. Пошли быстрее, а то что-то беспокойно стало.

Димона мы встретили возле дома. Заметив нас, он натянул поводок и махнул рукой. Недовольный Марс, мотнув мордой, нехотя поковылял за хозяином.

– Почему так долго ехали?

– Прошло сорок минут после твоего звонка. Выкладывай, в чем дело?

– Угадайте, кого я сегодня видел?

– Судя по тебе, наверное, привидение, – съязвила Люська.

– Угадала!

– Что?! – крикнули мы в один голос.

– Прикалываешься, Димон?

– Нет, Глебыч, мне сейчас не до приколов.

Я на самом деле видел привидение. Покойника.

Заметив на наших лицах замешательство, Димон выпалил:

– Час назад я нос к носу столкнулся с Анатолием Яковлевичем.

– Иди ты!

– Не может быть!

– Клянусь. Сам обалдел. Сначала решил, что обознался, подошел ближе... Он! У меня челюсть отвисла, а старикан улыбается.

– Но как, Дим?.. Не соображаю ничего, – Люська переводила взгляд с Димона на меня и обратно. – Он же сгорел.

– Так думали соседи. На самом деле Анатолий Яковлевич отделался малой кровью. Надышался дымом. Его отвезли в больницу. Сейчас со здоровьем у него все в порядке, выглядит бодрячком.

– Что он тебе еще сказал?

– Ничего. Он домой торопился. Но я сказал, что сегодня мы обязательно к нему зайдем. Анатолий Яковлевич не возражал.

– Тогда чего мы ждем?

– Мне Марса надо домой отвести.

– Только быстро, Дим.

Когда Димон скрылся в подъезде, Люська начала прыгать на одной ноге.

— Ты чего?

— Нервничаю.

— Прикольно нервничаешь. Со стороны выглядишь как...

— Как кто?

— Не важно. Люсь, перестань прыгать.

— Глеб, это шанс, удача решила нам улыбнуться. Если Анатолий Яковлевич жив, значит, не все потеряно.

— Согласен.

Димон не соврал, Анатолий Яковлевич действительно выглядел бодро, правда, с момента нашей последней встречи немного осунулся. Впрочем, не удивительно, все-таки из больницы вернулся.

— Ну и шороху я навел, — смеялся Анатолий Яковлевич, приглашая нас в кухню. — Соседи-то меня похоронили уже, а я вот назад воротился. Теперь до ста лет обязательно проживу.

— Мы тоже считали вас... — Люська осеклась.

— Все Машка, паникерша. Я, говорит, решила, что вы задохнулись. А с чего, спрашиваю, ты так решила? А она мне, мол, возраст у вас серьезный, а тут пожар, дым... Истеричная баба, что с нее взять.

— Анатолий Яковлевич, так что же произошло той ночью?

– Уже выяснили, имел место поджог. Ко мне в больницу из прокуратуры приходили, вопросы всякие задавали.

– Я не сомневался, что это поджог. Кому-то очень хотелось, чтобы в квартире Филатовых остались одни обгорелые стены. Вашу дверь подожгли по ошибке. Соседка видела на лестничной площадке мужчину. А потом случился пожар. Девять из десяти, что пожар – дело его рук.

– Возможно.

– Анатолий Яковлевич, кому вы отдали Кешку? – вспомнила Люська.

– Вернул хозяевам.

– То есть?

– Кристине клетку передал. Она днем приезжала, взяла кое-какие вещи из квартиры.

– Странно, мне Дашка ничего не говорила.

– Я сам удивился. Мы с Кристиной на лестничной клетке столкнулись, и про Кешку она не заикалась, а уже потом, когда я рассказал ей об уликах и о том, что собираюсь пойти к следователю, она вдруг про попугая вспомнила. Молодого человека за ним прислала. Тот сказал, Дашка по попугаю скучает.

– Подождите, Анатолий Яковлевич, что за молодой человек к вам приходил?

– И когда вы рассказали Кристине об уликах? – спросил Димон.

Старик смутился.

– Я мимо двери проходил, слышу, замок щелкнул, думаю, подойду к глазку, гляну что да как. Кристина как раз вышла из квартиры, ну... я дверь открыл... попрощаться хотел.

Люська усмехнулась.

– А дальше?

– Слово за слово, разговорились, пригласил ее к себе. Она все о сестре убивалась, на кухне даже разревелась. Тогда я про следователя и сказал, и не только сказал, но и пообещал, что очень скоро Таня будет дома.

Мы с Димоном переглянулись.

– И тогда она попросила вернуть попугая?

– Да нет же. Кристина ушла, а четверть часа спустя в дверь позвонили. Пришел молодой мужчина, представился шофером Кристины и сказал, что та забыла взять у меня клетку с Кешкой.

– Соседка сказала, вы сами выносили клетку.

– Верно. Не убрался я в клетке с утра, неудобно было в таком виде отдавать. Попросил его подождать немного, он кивнул, и мы договорились встретиться возле подъезда минут через десять. Потом вынес Иннокентия, передал из рук в руки, домой вернулся.

– Как-то все сумбурно получилось, – Люська теребила в руках край белой скатерти.

– А ночью такая напасть приключилась. Хорошо, что Кешки в квартире не было, а то помер бы. Как пить дать помер.

Уже дома, когда Люська поставила в микроволновку пиццу, а Жмурик мешался под ногами, прося насыпать в миску корм, я сказал то, о чем каждый из нас думал, но произнести вслух не решался.

– Не нравится мне эта история с Кристиной.

– Такая же фигня, – кивнул Димон, размешивая горячий кофе.

Люська сделала вид, что не услышала.

– Почему молчишь?

– Думаю.

– Попробуй думать вслух.

– Жмурик! – заорала Люська. – Чуть на лапу не наступила. Отойди!

– Не ори на собаку, – я встал и насыпал щенку корм.

Когда Жмурик, хмуро поглядывая на Люську, начал хрустеть шариками, я сказал:

– Или это совпадение, или я уже ничего не понимаю. Ясно же, что Кристина не собиралась забирать Кешку, он был ей по барабану.

– Но она его забрала, точнее, прислала своего шофера.

– Причем прислала не сразу, – Люська наконец села за стол. – А спустя время. И кто знает, о чем она думала эти пятнадцать минут.

– С одной стороны, звучит нереально, не верю, что Кристина каким-то образом может быть замешана в этом деле. Но как только услышал

рассказ Анатолия Яковлевича, в голове засела идиотская мысль – сестра Татьяны Андреевны не так проста.

– Ребят, – сказала Люська. – Вы не в курсе, но Кристина и Татьяна Андреевна не родные сестры. Я узнала это от Дашки через пару дней после несчастного случая с Сергеем Михайловичем. Она вскользь упомянула, что Кристину удочерили, когда той было пять лет.

– Это ровным счетом ни о чем не говорит.

– Знаю, я просто решила сказать.

– Что будем делать?

– Слушайте, а если попытаться разложить все по полочкам и рассуждать логически? Мы сейчас на взводе, все воспринимаем намного острее и критичней. Пытаемся узнать правду, у нас ничего не получается, никаких зацепок, никаких подозреваемых. Анатолий Яковлевич рассказал о приезде Кристине, мы увидели нестыковки и сразу начали ее подозревать.

– Глеб, никто ее не подозревает. Но поведение Кристины было странным, согласись.

– Может быть.

– Безо всяких «может быть».

– А как вам такая версия: Кристина приехала домой к сестре за вещами и с намерением забрать у соседа попугая. Но, разнервничавшись, – старик сам сказал, что она плакала на кухне, – напроочь забыла о Кешке. Спустилась вниз, отъехала от дома

и уже в дороге вспомнила про попугая. Попросила шофера сходить за клеткой. В принципе, все. Ну, что скажете?

– Отличная версия, – скривила губы Люська. – Только лично мне верится в нее с трудом. Когда мы пришли домой, я первым делом позвонила Дашке. Потом как бы между прочим упомянула, что хочу попугая и пожалела, что не взяла у них Кешку.

– А Дашка?

– А Дашка... – Люська выдержала длинную паузу, – Дашка сказала, что попугай у них, и, если мне так хочется, я могу в любое время забрать его. Это еще не все. На вопрос, как он оказался дома у Кристины, Дашка ответила, что, оказывается, Анатолий Яковлевич, встретив ее тетку в подъезде, сам попросил забрать у него попугая. Типа надоел он ему, каждое утро начинает орать, спать мешает.

– Дела, – протянул Димон.

– Теперь понимаете, что здесь что-то не так?

– Завтра Анатолий Яковлевич пойдет к следователю.

– Надеюсь, ночь пройдет спокойно.

– Не каркай, Люсь.

Пиццу мы ели молча, каждый думал о своем. А когда Димон взял последний кусок и потом запоздало поинтересовался, не претендует ли на него кто-нибудь еще, Люська вдруг вскрикнула:

– А не поиграть ли нам в кошки-мышки?

– Ты чего?

– Дим, Глеб, я знаю, как можно опровергнуть или подтвердить наши догадки. Что если я сейчас позвоню Дашке и...

Люська заговорила. Мы внимательно ее слушали, кивали, изредка вставляли короткие фразы и в итоге сошлись во мнении, что ее затея не такая уж и безнадежная.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Справедливость восторжествовала

— Все собрались? — спросил я, окинув взглядом ребят.

— Нет только Михи, — сказала Светка.

— Тогда заходим.

Я толкнул дверь, мы прошли в приемную. Дверь в кабинет директора была открыта, Анна Анатольевна разговаривала по телефону. Заметив меня, кивнула, а когда увидела, что я не один, знаком показала, чтобы мы подождали в приемной. Через пару минут директриса повесила трубку.

— Что за митинг? — спросила она, встав из-за стола.

— Анна Анатольевна, нам надо с вами поговорить.

— Всем сразу?

— Да.

— А что случилось?

— Мы против, чтобы Нина Владимировна уходила из школы, — крикнул Витька.

– Глеб, где заявление?

Я достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Положил его на стол директора.

– Мы написали заявление и просим вас не увольнять Нину Владимировну.

– Вот оно что, – Анна Анатольевна взяла заявление, пробежала по нему глазами и села на стул. – Нина Владимировна написала заявление по собственному желанию, я не могу препятствовать.

– Можете!

– Марин, не надо. Анна Анатольевна, Нину Владимировну вынудили написать заявление.

– Кто?

– Вы же знаете, – не сдержался Витька.

Молчание. Директриса обвела нас взглядом, ее глаза улыбались.

– Нина Владимировна в курсе дела?

– Она ничего не знает. Мы пришли к вам, чтобы просить о помощи. Клара Степановна вынудила ее написать заявление. Штангенциркуль... – Димон запнулся. – Клара Степановна недолгоблively Нину Владимировну. Она делает все, чтобы та уволилась.

– Это произвол, – сказала Марина.

– Почему ей все разрешено?

– Анна Анатольевна, мы требуем!

Соня толкнула Димона в бок, но тот отмахнулся.

– Да, требуем. Мы имеем на это право. Нина Владимировна – наш классный руководитель,

и мы не хотим, чтобы она уходила из школы. И вы обязаны считаться с нашим мнением.

– Димка прав, почему мы должны молчать в тряпочку и смотреть, как Клара Степановна портит жизнь окружающим?

– Спокойнее, – Анна Анатольевна прошлась по кабинету. – Мне, как и вам, не хочется терять хорошего педагога, но Нина Владимировна приняла решение.

– Под давлением обстоятельств.

– Клара Степановна лишила ее премии.

Директриса вздохнула.

– Обещаю, сделаю все, что в моих силах, – по-молчав, она добавила: – Нине Владимировне повезло с классом. А сейчас идите на урок, перемена заканчивается.

В коридоре я обратился к ребятам.

– Как думаете, что-нибудь изменится?

– Будем надеяться.

– А мне кажется, ни черта не изменится, – сказал Стас. – Она так сказала, только чтобы мы поскорее свалили. Заявление Нины уже наверняка подписала.

– И что теперь делать?

– Может, еще куда написать заявление?

– Бесполезно.

Прозвенел звонок. Следующим уроком у нас по всем законам подлости было черчение. В класс мы заходили нехотя, я бросил на парту рюкзак, не став доставать оттуда учебник и тетрадь.

Завучиха пришла спустя минуту. Сев за стол, открыла журнал. Димон встал.

– Клара Степановна, вы в курсе, что Нина Владимировна уходит из школы?

– Димон, не надо, – я потянул его за руку.

– Подожди, Глебыч, пусть ответит.

– Крылов, почему я должна обсуждать с тобой вопросы, тебя не касающиеся?

– Почему не касающиеся? – Светка тоже встала. – Нас это очень даже касается.

– Мы против, чтобы Нина Владимировна ушла из школы, – теперь встала Марина.

За ней следом встали Стас, Надя и Катька.

– А теперь все сели.

Ребята не шелохнулись. Завучиха начала выходить из себя.

– Захотели отправиться к директору?

– Мы у него уже были.

Не сговариваясь, словно по команде, встал весь класс.

– Что это значит? – взвизгнула Штангенциркуль.

– Вы вынудили Нину Владимировну написать заявление!

– Все сели по местам!

Мы продолжали стоять.

– И вообще, в школе вздохнули бы с облегчением, если бы ушли вы, – сказала Яна.

Клара Степановна вскочила из-за стола.

– Вам эта забастовка боком выйдет!

– Вы постоянно всем угрожаете. Вам самой это не надоело?

Завучиха схватила указку и саданула по столу.

– Мы не в тюрьме, – крикнул Димон. – Не надо обращаться с нами как с заключенными.

– Достали уже своими придирадками.

– Вам нельзя работать в школе.

Все были настолько возбуждены, что уже не стеснялись говорить то, что думали.

– Вы всех унижаете, оскорбляете.

– Чувствуете себя безнаказанно.

– Ребят, предлагаю объявить Кларе бойкот! – сказал Витька.

– Поддерживаю!

– Давно пора!

– Я только за!

– Прекратить бардак! – кричала Штангенциркуль.

Мы взяли свои вещи и направились к выходу.

– Завтра в школу с родителями! На педсовете будет решаться вопрос о вашем пребывании в школе.

Димон остановился.

– Знаете, Клара Степановна, было бы неплохо, чтобы на педсовете решался вопрос о вашем пребывании в школе. Вы всех достали. Вас все ненавидят.

– Димон, идем.

– Пусть знает.

– Она это и так знает.

Едва мы вышли, Штангенциркуль села на стул и несколько минут сканировала взглядом пустые парты. Потом встала, подошла к окну. На ее лице застыла маска не то презрения, не то раскаяния.

Через день о нашей забастовке знала все школа. Нина Владимировна упрекала нас в несознательности, просила, чтобы одумались, но было поздно. Механизм был запущен. Мы твердо решили, что многолетней тирании Штангенциркуля пришел конец.

В среду утром вместо того, чтобы рассредоточиться по классам, восьмые, девятые, десятые и одиннадцатые классы собрались в актовом зале. Всего более ста пятидесяти человек. Через какое-то время в актовый зал пришли учителя и директриса. Вместе с ними была и завучиха. Вопрос был поставлен ребром: или – или. Все дружно отказались посещать уроки черчения, требовали от директрисы справедливости, обвиняли Клару Степановну в непрофессионализме и излишней жесткости.

Сама завучиха не проронила ни слова, стояла в стороне, ухмылялась. Ее самоуверенность только раззадорила ребят.

– Учитель не должен унижать учеников, – кричали одни.

– Надоело, что нас постоянно оскорбляют.

– Мы имеем право!

– Она перегибает палку!

Актовый зал зашумел, каждый решил высказаться, перекрикивая друг друга, мы пытались

доказать директору и учителям, что тоже имеем право слова. В конце концов им придется считаться с нашим мнением. Нас слишком много, как ни крути, а школа – это в первую очередь ученики. И вот сегодня ученики после многолетнего молчания решили взбунтоваться. Надоело мириться с несправедливостью завуча. Мы говорили в открытую, уже никто ничего не боялся, сегодня мы вдруг поняли, что нас много – мы сила. И если не дадим задний ход, если выстоим, то справедливость восторжествует.

Когда слово попросила Штангенциркуль, ребята загудели и затопали ногами.

– Не будем ее слушать!

– Хватит!

– Пусть уходит!

Анна Анатольевна растерялась. В ее практике это был единственный случай, когда почти половина учеников выступали против одного учителя. Как могла, она пыталась локализовать конфликт, но мы были непреклонны.

– Клара Степановна не может работать завучем.

– Мы напишем в округ.

– С нами должны считаться!

В итоге нас распустили. К общему знаменателю мы не пришли. Казалось, все прошло впустую.

Но уже на следующий день в школу приехали проверяющие из округа. В кабинете директора они провели больше часа, затем туда вызвали завуча. Днем создали педсовет.

В пятницу от Аллы мы узнали, что Клара Степановна на больничном, а в понедельник стало известно, что Штангенциркуля сняли с должности завуча.

– Победа за нами, – сказал Витька.

– Но ее оставили в школе. Она будет вести черчение.

– Вот именно – черчение. Теперь, лишившись власти, Клара уже не сможет третировать всех подряд. Она всего лишь простая училка по черчению.

– Нам она этого не простит.

– Кому нам – всей школе? Большинство хотело, чтобы она ушла. Нет смысла злиться на каждого, лучше вообще уйти из школы.

– Она не уйдет, – сказала Марина.

– Нам Клара уже ничего не сможет сделать.

– А мне ее жалко, – Сонька была в своем репертуаре.

– Разумеется, Яковлева, теперь некому будет сливать информацию. Ты лишилась своей должности.

– А что с Ниной, она остается в школе?

– Вроде да.

– Думаю, мы поступили правильно. Нас поддерживала школа, это говорит о многом.

– Кого теперь назначат завучем?

– Не суть. Хуже точно не будет, – засмеялся Витька.

– Это точно, – поддержали его остальные.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ожидание

Анатолий Яковлевич нервничал, это было сильно заметно. И хотя он старался выглядеть спокойным, взгляд, поза и жесты выдавали волнение.

— Давайте еще выпьем чая, — предложила Люська.

— Я — за, — сказал Димон.

— Глеб, тебе налить?

— Нет, — я посмотрел на сидевшего у окна старика и наигранно бойко поинтересовался: — Анатолий Яковлевич, о чем вы думаете?

— О том же, о чем и вы, Глеб, — сказал он и встал. — Я не робкого десятка, ты любого спроси, тебе скажут — Яковлевич кремень. А вот сейчас сам не свой.

— И у меня ноги трясутся, — призналась Люська.

— Не понимаю, почему столько нервов, — Димон взял из вазочки шоколадную конфету и начал разворачивать фантик: — Лично я спокоен как удав.

– Это заметно, – съязвила Люська. – Ты и ешь, как удав. Оставь немного конфет Анатолию Яковлевичу.

– Пусть ест, Люся, – старик прошелся по кухне и, встав в дверном проеме, сказал: – И все-таки я считаю, мы должны были поставить в известность следователя. Неправильное дело затеяли. Если во всем этом есть доля истины, а чутье мне подсказывает, что вы правы, нам не следовало заниматься самодеятельностью.

– Анатолий Яковлевич, а вдруг мы ошибаемся? У нас ведь нет прямых доказательств.

– Все равно не дело это, – в очередной раз повторил старик. – Ладно вы, дети, а я-то, старый дурак, почему согласился на эту авантюру?

– Мы не дети, – хмыкнула Люська.

– Для меня дети, – Анатолий Яковлевич вышел из кухни.

– Слышали, – засмеялся Димон. – Дети. Мне старик казался рисковым, а теперь вижу – сдувается потихоньку.

– Его можно понять, я бы тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

– Да брось, Глебыч, не надо усложнять. Сейчас она приедет, и мы узнаем...

– Или не узнаем, – перебила Люська. – До меня только сейчас дошло, Анатолий Яковлевич прав. Вы представляете, что будет, если Кристина действительно окажется причастной к этому делу?

– А чей был план, не твой ли?

– Мой. Но теперь я уже жалею.

– Тоже сдуваешься, – Димон взял последнюю конфету.

– Как ты можешь есть?

– Молча. И потом, ты неправильно поняла старика, он как раз опасается, что Кристина невиновна и мы своим... э-э, как бы назвать, миниспектаклем поставим ее в неудобное положение.

– Димка, ты так ничего и не понял.

– Что я должен понять?

– Анатолий Яковлевич боится другого. Он боится за свою жизнь.

– Согласен, – кивнул я и встал у окна: – Наши доводы показались ему логичными, он практически поверил, что тем вечером у Филатовых была Кристина, и теперь встреча с ней его страшит.

– Не знаю, – Димон зевнул и потянулся: – Гадать можно сколько угодно. А я дело предлагаю. Расслабиться и ждать.

– Завидую твоей нервной системе.

– Есть чему завидовать. Слушайте, может, чтобы не сидеть и не киснуть, послушаете одну историю?

– Что за история?

– Типа страшилки.

– О-о-ой, – протянула Люська, – только выдуманных историй нам сейчас и не хватает.

– Она не выдуманная.

– Ну конечно.

– Правда. Мне ее в деревне парень один рассказал. Я потом у бабки своей все допытывался, правда это или выдумка.

– И что она сказала? – я услышал возню в прихожей. Наверное, Анатолий Яковлевич открыл шкаф, пытаясь что-то достать из пакета. Шуршал он минут пять, затем прошел в комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

– Бабушка долго отнекивалась, а дед не выдержал и сказал, что парень не соврал. Потом это подтвердила и бабушка.

Люська посмотрела на меня.

– Ты ему веришь?

– И да, и нет, – улыбнулся я.

– Глебыч, от тебя я такого не ожидал.

– Ладно, верю. Рассказывай свою историю.

– Тогда надо выключить свет.

– Это еще зачем?

– Для пущего эффекта, – прыснул Димон и щелкнул выключателем.

Эта история началась в ночь с десятого на одиннадцатое января. Молодая женщина Анфиса, жившая в подмосковной деревеньке, была разбужена настойчивым стуком в дверь. Вздвогнув, она открыла глаза, но с кровати встала не сразу, какое-то время лежала не шевелясь, прислушивалась

к тишине. Оставалась надежда, что стук ей приснился. Но спустя минуту он повторился. На часах половина третьего, за окном воет метель, а кого-то принесло на порог.

На цыпочках выйдя в прихожую, Анфиса подошла к двери, замерев в нерешительности.

– Кто там? – спросила она, не имея возможности выглянуть на крыльцо. На двери отсутствовал глазок, который сейчас очень пригодился бы.

Вместо ответа в дверь снова постучали.

– Кто?! – уже дрогнувшим голосом повторила Анфиса.

– Открой! – четко произнес детский голос. – Открой, мне холодно!

Анфиса потянулась к замку, и в этот момент из комнаты выскочила сиамская кошка. Словно обезумев, она подбежала к Анфисе, больно укусила за ногу и зашипела.

– С ума ты сошла?! – Анфиса аж согнулась от боли.

Кошка шипела, на дверь смотрела расширенными черными зрачками.

– Открой дверь! – не просил, а требовал детский голосок.

Анфисе сделалось не по себе. Вроде она где-то читала, что кошки чувствуют присутствие призраков. Начинают нервничать, бесноваться, громко мяукать или, как ее Муська, проявлять внезапную агрессию.

– Открой, я же замерзну! – кричал ребенок. – Открой дверь!

Перепугавшись до полусмерти, Анфиса вернулась в комнату, взяла телефон, набрала номер двоюродной сестры. Та жила через три дома, Анфиса собиралась просить сестру с мужем прийти к ней на участок посмотреть, что за ребенок стоит на крыльце. Но телефон неожиданно отключился, хотя с вечера стоял на подзарядке. Анфисе стало по-настоящему жутко. Метель усиливалась, кошка продолжала шипеть, стук в дверь не прекращался.

Домашний телефон тоже не работал, а секунд через пять после того, как Анфиса положила трубку, в доме погас свет.

– Пусти меня в дом! Пусти! Пусти! – истерично визжал ребенок.

Анфиса села на пол, заткнула уши и разревелась. Ей было страшно, бил сильный озноб, тряслись поджилки.

Последний раз стук раздался без четверти четыре. И все затихло. Успокоилась кошка, прекратилась метель. Появилось спокойствие и на душе у Анфисы. Заработал городской телефон, начал подавать признаки жизни мобильный, вспыхнул свет.

Звонить сестре не было смысла, Анфиса легла в кровать, укрылась с головой одеялом, попытавшись уснуть. Но сон не шел, из головы не выходил детский голосок. И что странно, в интонациях

ребенка Анфиса не уловила страха или мольбы, напротив, голос был уверенным, твердым.

Утром ждало новое потрясение: на крыльце Анфиса не обнаружила ни единого следа. Не было следов и на дорожке, ведущей к калитке. Метель замести следы не могла, попросту не успела бы, она закончилась минут через пять после прекращения стука.

Следующей ночью история повторилась. В два часа Анфису разбудил требовательный стук и голос:

– Открой мне дверь! Впусти меня в дом! Открой!

Сжимая в руках молоток, Анфиса встала за дверь, закричав:

– Уходи! Кем бы ты ни был, уходи!

– Открой мне дверь, я хочу на тебя посмотреть.

– Уходи! Я крещеная! Я тебя не боюсь.

После этих слов в дверь начали ломиться, удары были настолько мощными, что Анфиса засомневалась, выдержит ли дверь такой натиск. Кошка забилась под кровать, даже у сямки отпало желание выгибать спину дугой и шипеть на дверь. Страх оказался сильнее.

– Открывай! Я все равно на тебя посмотрю! – вопил ребенок.

Погас свет, «умер» сотовый, отключился домашний телефон. Снова Анфиса испытала нечеловеческий страх, снова ощутила себя беззащитной перед лицом пугающей неизвестности.

А голос требовал пустить его внутрь. И тогда Анфиса решилась на крайнюю меру. Забежав на кухню, она распахнула форточку и закричала:

– Помогите! Помогите! Пожар!

Слово «пожар» для местных жителей – катастрофа. Услышав о пожаре, люди мгновенно мобилизуются и спешат на помощь к тому, чье жилище охватило пламя.

Но сегодня из-за воя ветра слова Анфисы потонули в непрекращавшемся гуле. Очень скоро она поняла, ее никто не услышит, никто не придет на помощь, она обречена.

Все прекратилось в четыре часа: и стук, и голос, и ветер на улице.

А утром на крыльце снова не было ни следов, ни каких-либо улик, свидетельствовавших, что ночью возле двери стоял человек.

Понимая, что третьего раза она не выдержит, Анфиса пошла за советом к бабке Матрене, жившей в ветхой избе на самой окраине. Узнав о ночных визитах ребенка и настойчивых просьбах пустить его в дом, бабка Матрена замахала руками.

– Правильно сделала, что не открыла дверь. И скажи спасибо, что у тебя нет глазка. Нельзя на таких детей смотреть ни в коем случае!

Также бабка Матрена запретила Анфисе несколько дней смотреться в зеркала, посоветовав накрыть их светлой тканью.

– Кто ко мне приходил?

– Тебе лучше этого не знать, поверь, крепче будешь спать.

– Но что-то же надо делать.

– У тебя есть кошка! – неожиданно заявила бабка Матрена.

– Есть.

– Купи поводок и ошейник, в полночь выпусти кошку на крыльцо, поводок привяжи к перилам. Сама в дом возвращайся.

– Кошка домашняя, она не бывает на улице, да и холодно там.

– Он от тебя не отстанет! – резко оборвала Анфису бабка Матрена. – Раз постучался в твою дверь, то просто так не уйдет. Решай: или оставляешь на крыльце кошку, или может случиться беда.

Анфиса закрыла глаза, понимая, что свой выбор уже сделала.

– А точно поможет? – спросила она шепотом.

– Должно помочь, – неуверенно ответила бабка Матрена, а затем, немного помолчав, добавила: – Если ночью услышишь стук или голос, не обращай внимания, к двери не приближайся, к окну не подходи. Утром приберись на крыльце, собери все в тканевый мешок и отнеси на кладбище. Найди детскую могилу, вырой неглубокую ямку и оставь в ней мешок. Когда с кладбища домой возвращаться будешь, услышишь детский голос, тебя позовут по имени. Не оборачивайся! Ничего не бойся, они уже не тронут.

...Анфиса шла домой на ватных ногах. Во-первых, было страшно до одури, во-вторых, она не поняла и половины из того, что ей сказала бабка. Например, как понять фразу: «Приберись на крыльце утром»? Что конкретно необходимо собрать в тканевый мешок? И наконец, каким образом она зимой сможет вырыть ямку в детской могиле? Да и где она эту могилу отыщет?

Голова шла кругом. До слез было жалко кошку, но все-таки Анфиса поехала в зоомагазин за поводком.

Ближе к полуночи все зеркала в доме были занавешены белой тканью, красный ошейник красовался на кошке, поводок Анфиса держала в руках.

В двенадцать, едва не сойдя с ума от страха, Анфиса выскочила на крыльцо, наспех привязала кошку, поцеловала ее в макушку и хлопнула дверь.

Прошел час, второй... В начале третьего раздался стук.

– Открой дверь! – кричал детский голос. – Я хочу на тебя посмотреть. Открой!

Анфиса лежала на кровати, зажмурив глаза.

Услышав кошачий визг, накрыла голову подушкой. В таком положении она пролежала около часа, потом встала, прошлась по комнате, прислушалась к тишине.

Едва на улице стало светать, Анфиса открыла входную дверь, ожидая увидеть останки Муськи.

Муська была жива! Дрожа от холода, она сидела на заснеженном полу и тряслась, а заметив Анфису, тихо мяукнула.

В метре от Муськи валялись детские сапожки на меху, брючки, серое пальтишко, кроличья шапка-ушанка, шерстяной шарфик и вязанные варежки.

Отнеся кошку в дом, Анфиса с трудом утрамбовала детскую одежду в тканевый мешок, взяла лом, лопату и поспешила на кладбище. Пробыла она там часа четыре, а когда возвращалась назад, услышала знакомый детский голос:

– Анфиса! Подожди. Не уходи! Обернись! Посмотри на меня! Анфиса, посмотри на меня! Я хочу увидеть твои глаза, Анфиса!

Помня слова бабки Матрены, Анфиса не обернулась, лишь ускорила шаг.

История закончилась так же внезапно, как и началась. С того дня Анфису никто и ничто не беспокоило, кроме вопроса: кто же все-таки приходил к ней ночью?

Люська не успела ничего спросить, помешал звонок. Вскочив со стула, она посмотрела на часы.

– Это Кристина.

– Тихо. Где Анатолий Яковлевич?

– В комнате. Из-за твоей истории мы забыли о времени.

– Не суетитесь, – я осторожно вышел в коридор.

Анатолий Яковлевич стоял возле входной двери. Увидев нас, он приложил палец к губам. Я кивнул на дверь, старик кивнул в ответ.

Стараясь не шуметь, мы с Люськой и Димонем прошли в маленькую комнатку. Звонок повторился, но Анатолий Яковлевич по-прежнему не спешил открывать.

– Чего он медлит? – злился Димон.

– Дай человеку прийти в себя.

– А если она уйдет?

– Смеешься? Она не уйдет.

После третьего звонка мы услышали звук открываемой двери.

– Наконец-то, – прошептал Димон.

...В кухне Кристина сообщила Анатолию Яковлевичу, что у нее мало времени.

– По телефону вы настаивали на срочной встрече. Что-то случилось? – спросила она, сев на стул. – Кстати, откуда вы узнали мой номер?

– А ты сама мне его продиктовала. Не помнишь? Через два дня после... случившегося.

– Возможно, – уклончиво ответила Кристина, осмотревшись по сторонам.

– Нам есть о чем поговорить, – сказал Анатолий Яковлевич, когда пауза слишком затянулась.

– Я вас слушаю.

– Десять тысяч долларов!

Кристина округлила глаза.

– Не поняла.

– Я человек пожилой, да чего там говорить, совсем старый. Мне много не надо. Сколько мне осталось по земле ходить? Пару-тройку лет? Думаю, десяти тысяч мне будет достаточно.

– О каких деньгах вы говорите?

– О тех, которые ты дашь мне за молчание.

Кристина вскочила со стула.

– Анатолий Яковлевич, если вы так шутите...

– Ты сядь, сядь на стульчик-то. Какие уж тут шутки. Разве такими вещами шутят, Кристина?

Кристина продолжала стоять. Тогда Анатолий Яковлевич, повернувшись лицом к окну, выпалил:

– Я видел тебя.

Кристина молчала.

– Видел в глазок, как ты выходила из квартиры сестры.

Выдохнув, Кристина опустилась на стул.

– Я часто приезжала к Тане.

– Ты поняла, о чем речь, не надо играть в игры. Я все видел и все знаю. Но идти и рассказывать правду не собираюсь. Ты обеспеченная женщина, для тебя десять тысяч – пыль, для меня большие деньги, хорошее подспорье. И заметь, я не спрашиваю, зачем и почему ты стреляла в Сергея.

– Как вы смеете...

– Тише. Тише! – уже жестче повторил Анатолий Яковлевич. – Меня это не касается. И давай

поставим точку. Я сказал, ты слышала. Решай. А дня через два приезжай ко мне с окончательным ответом.

Не проронив ни слова, Кристина встала и пошла в прихожую. Анатолий Яковлевич схватился за сердце. И лишь когда входная дверь захлопнулась, а мы вышли из комнаты, старик тяжело опустился на стул.

– Все слышали? – спросил он.

– Да.

– Что скажете?

– Не понятна ее реакция. Мы рассчитывали на большее.

– Это она, – глаза Анатолия Яковлевича горели. – Теперь уже безо всяких сомнений. Я видел ее взгляд, меня не проведешь.

...Прошло два дня. Кристина не приехала. На звонки Анатолия Яковлевича она не отвечала. Мы совсем уже отчаялись, как вдруг...

Звонок раздался утром. Люська поднесла телефон к уху, услышала встревоженный голос Дашки:

– Папа дома! – крикнула Дашка.

Люська соскочила с кровати как ошпаренная.

– Что?!

– Он дома... так было надо... Сможешь прийти к нам?

Мы выбежали из подъезда спустя пять минут. До Дашкиного дома неслись молча, и только в лифте Люська спохватилась.

– Я оставила дома телефон.

– Забей на телефон. Зачем он тебе нужен?

– Глеб, я не верю, а вдруг она... от перенесенного стресса Дашка запросто могла свихнуться.

Из лифта мы вышли и наткнулись на довольного Анатолия Яковлевича.

– Анатолий Яковлевич...

– Знаю-знаю. Я с ним уже разговаривал.

– Но как, ведь Сергей Михайлович находился в коме, в тяжелом состоянии?..

Дашка распахнула дверь и вышла на лестничную площадку. Затем мы увидели на пороге Татьяну Андреевну.

Люська покачнулась и попросила ее ущипнуть. Ну я и ущипнул. Жалко, что ли, сестру ущипнуть.

– Дурак! Больно ведь.

– Сама просила.

– Но не так же сильно.

И тут мы услышали голос Сергея Михайловича:

– А почему не заходите в квартиру?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Жажда наживы

Теперь я вкратце расскажу о том, что мы услышали в тот день от Сергея Михайловича.

Впервые о пасхальных яйцах Антон Евгеньевич узнал от сестры. С середины восьмидесятых она проживала в Париже и в один из приездов рассказала брату о коллекционере Станиславе Верещагине.

Антон Евгеньевич воспринял рассказ сестры болезненно. Он, страстный любитель антиквариата, драгоценностей и прочих произведений искусства, во что бы то ни стало захотел обладать работами Миладжо.

Спустя годы сестра Богатырева вернулась в Россию, от нее он и узнал, что Станислав Германович обосновался в Москве.

Антон Евгеньевич решил действовать безотлагательно. Первый визит к коллекционеру не принес

желаемого результата. Станислав Германович наотрез отказался расставаться с оставшимися предметами некогда богатейшей коллекции. Отказал он и во второй раз, и в третий, и в пятый. Антон Евгеньевич понял: старик не расстанется с пасхальными яйцами ни за какие деньги. А раз так, то нужно действовать более изощренным способом. Но как можно отнять у человека принадлежащую ему вещь, если он против? Ответ очевиден – при помощи силы.

Для предстоящего мероприятия Антон Евгеньевич нашел три, на его взгляд, наиболее подходящие кандидатуры. Андрей Переверзев, Олег Лисицын и Максим Енгальчев оказались не прочь заработать.

Операция по устранению Верещагина прошла с блеском. Богатырев стал обладателем пасхальных яиц. Убийц, совершивших нападение на коллекционера, не нашли, Антон Евгеньевич задумался о своем благополучии. Оставить троицу на свободе – значит подвергнуть собственную жизнь большому риску. Да, они получили свою долю, но где гарантия, что через энное количество времени не дадут себе знать? А вдруг решат заняться шантажом? От таких людей можно ожидать чего угодно.

Благодаря своим связям Антон Евгеньевич устроил все таким образом, что за считанные месяцы Переверзев, Енгальчев и Лисицын попали на скамью подсудимых. Двоих судят за хранение и распространение наркотиков, третий сел за попытку убийства.

Шло время. Неожиданно в тюрьме появился журналист Сергей Филатов. Проведя собственное расследование, Сергей Михайлович узнал о причастности Богатырева к краже пасхальных яиц и убийству Станислава Верещагина. Филатов жаждал справедливости, он чувствовал, что в скором времени виновный ответит за свои действия по всей строгости закона.

Помочь Филатову согласился лишь Переверзев. Лисицын и Енгальчев ответили отказом. После освобождения каждый из них встретился с Богатыревым. Один угрожал, второй решил заняться шантажом. Антон Евгеньевич использовал кардинальные меры. Такая же участь постигла и Переверзева. Он, по мнению Богатырева, как и его поделники, представлял большую опасность.

После исчезновения Переверзева Сергей Михайлович (он, конечно же, догадался, что без Богатырева не обошлось) совершил роковую ошибку. Находясь на взводе, он приехал в офис Богатырева и с порога заявил о скором аресте Антона Евгеньевича.

Кристина была в курсе дел мужа. Узнав об осведомленности Филатова и его планах, она впала в бешенство. Если Антона Евгеньевича посадят, а имущество конфискуют, она останется ни с чем. Мириться с таким положением вещей Кристина не собиралась.

— Антон, надо что-то делать.

- Вопрос решается.
- Позволь мне этим заняться.
- Каким образом?
- У меня свои секреты.

В тот день Кристина приехала к Филатовым, включила в себе актрису и расплакалась:

– Сергей, помоги. Я узнала об Антоне ужасные вещи, мне страшно. Он... он монстр!

Сергей Михайлович ликовал. Иметь в союзниках приближенное лицо Богатырева – несомненная удача. Он начал расспросы. Поглядывая на часы, Кристина обвинила супруга в немыслимых преступлениях. Ее целью было заговорить Филатова до прихода сестры.

Долгожданный звонок раздался в семь вечера.

– Это Таня, – Сергей Михайлович встал с кресла.

– Подожди, не открывай. Я не хочу, чтобы она видела меня в таком состоянии. Сам знаешь, Танька паникерша, начнет спрашивать, нервничать. Лучше нам не встречаться. Сереж, я останусь в комнате, а вы идите ужинать. Как только сядете за стол, я незаметно выйду из квартиры. А завтра мы с тобой встретимся и все обсудим.

Не заметив подвоха, Сергей Михайлович кивнул.

После ужина Татьяна Андреевна стала к раковине. Сергей Михайлович в комнате смотрел фильм. Похрустывая чипсами, он закурил. Когда на экране началась перестрелка, из шкафа вышла Кристина с пистолетом Сергея Михайловича.

Он не успел опомниться, выстрел прогремел мгновенно. Выпавшая из рук сигарета, прокатившись по ковру, оказалась на газете. Пожар в планы Кристины не входил. Ее цель – сделать подозреваемой сестру, к которой она с детских лет питала совсем не сестринские чувства.

Раздавив окуроч, Кристина машинально бросила в кормушку попугая случайно оторванный страз. Затем взяла пульт, подошла к двери и, сделав громкость на полную мощность, покинула квартиру.

Квартиру Анатолия Яковлевича поджег шофер Кристины, которого та специально послала к старику за попугаем, чтобы он лично увидел, где и как придется действовать ночью.

...Когда Сергей Михайлович вышел из комы, он первым делом попросил позвать следователя. Ему-то он и поведал всю правду, назвав имя стрелявшего в него человека.

В интересах следствия было принято решение «держать в коме» журналиста Филатова как можно дольше. Потому врачи и оценивали его состояние как крайне тяжелое, не оставляя шансов на выздоровление. Это было необходимо для того, чтобы супруги Богатыревы не предпринимали попыток расправиться со своим недругом.

ЭПИЛОГ

Прошло несколько недель.

От Сергея Михайловича мы узнали, что готовится судебный процесс по делу супругов Богатыревых. В детали не вникаем, нам достаточно того, что в деле о загадочном выстреле наконец поставлена точка.

Что касается наших личных дел, здесь ситуация обстоит несколько хуже. С Алиской мы до сих пор не помирились, и я боюсь, что наши отношения со временем сойдут на нет. С Яной продолжаем дружить, я даже слышал, по школе пошли слухи, что мы стали встречаться. Ничего конкретного сказать не могу, потому что не люблю забегать вперед.

У Люськи с Димоном все по-старому: ссорятся, мирятся, потом снова ссорятся, чтобы через день помириться. Короче говоря, без изменений.

Жмурика нам пришлось отдать. Как сказала Люська, щенок оказался для нас слишком

шустрым. Его приютила соседка со второго этажа. Раньше Жмурик постоянно облаивал ее на улице, но когда понял, что высокая хмурая тет-ка стала его новой хозяйкой, присмирел. И вроде бы даже вспылал к ней нежными чувствами.

Через неделю после расставания со щенком Люська притащила в квартиру... игуану. Нашла ее на детской площадке и не придумала ничего лучшего, как принести домой. Тем же вечером мы расклеили объявления о находке. Никто не позвонил, не написал. Стало ясно, что игуану выбросили на улицу специально. Скорее всего, кому-то очень надоело жить бок о бок с семидесятисантиметровой ящерицей.

Но это уже другая история, о ней как-нибудь в другой раз...

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ФЛЕШКА.....	3
ГЛАВА ВТОРАЯ	
ВЫСТРЕЛ.....	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
НОВЕНЬКАЯ.....	21
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ЖМУРИК.....	33
ГЛАВА ПЯТАЯ	
УРОК ЧЕРЧЕНИЯ.....	46
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ.....	56
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ СОСЕД.....	68
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
ЖЕЛТЫЙ ПЛЮШЕВЫЙ ЗАЯЦ.....	85
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
КОМПРОМАТ.....	100

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
ДВОЕ В ШКОЛЕ.....	112
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
ВСТРЕЧА НА НАБЕРЕЖНОЙ.....	126
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
КУДА ИСЧЕЗ ПЕРЕВЕРЗЕВ?	141
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
ПО ОДНОМУ СЦЕНАРИЮ.....	153
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
БИЛЕТЫ В ТЕАТР.....	161
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА.....	170
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
ВОЗВРАЩЕНИЕ С ТОГО СВЕТА.....	183
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	
СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА.....	193
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	
ОЖИДАНИЕ.....	201
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	
ЖАЖДА НАЖИВЫ.....	216
ЭПИЛОГ.....	221

